

В.В. КРУГЛОВ

**НЕКОТОРЫЕ ВЕХИ
МОЕЙ ЖИЗНИ И ВОЙНЫ**

Алма-Ата

1988 год

Полковник в отставке
Круглов Владимир Васильевич

Круглов В.В.
Некоторые вехи моей жизни и войны. Мемуары. - М., 2014 -
80с.

ISBN: 978-5-4474-2281-3

Полковник в отставке Круглов Владимир Васильевич начинал Великую Отечественную войну рядовым солдатом пограничной заставы на Западной границе, окончил военное училище и академию, служил в дальних гарнизонах и посвятил свою дальнейшую жизнь воспитанию молодых офицеров в пограничном училище.

© Издательство “Ridero”
© Круглов В.В.

МОЕМУ ДРУГУ И ВНУКУ ГЛЕБУ

Задача, которую я поставил перед собой, одна: рассказать детям и внукам об условиях жизни моего поколения.

Именно дети заставили меня начать повесть о событиях моей жизни, хотя она ничего важного в истории не представляет.

Многое позабыто с годами, и время стерло из памяти имена и названия.

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Родился я 5 ноября 1920 високосном году в маленькой подмосковной деревушке Устиново, Ново-Петровского, ныне Истринского района. Деревня ничем не примечательна, всего 26 дворов, вытянутых в одну линию, вдоль небольшой речушки Маглуша. Но край наш красивый, как и всё Подмосковье: такие леса, просторы.

Я крестьянский сын, крестьянский внук и правнук, у меня было еще четыре брата и одна сестра. Всего мать родила одиннадцать детей, но выживали тогда только крепкие здоровьем. Я, как и все деревенские дети до снега, да и по снегу, бегал

босиком. Мой самый младший брат Коля умер ребенком от того, что бегая босиком по снегу, заболел от простуды воспалением легких. Лечили его кустарно, врачей не было, да и понятия о больнице мы тоже не имели.

Все мои предки, что ни на есть, имели земную специальность - профессию земледельца. По рассказам родителей и родственников мы в начале 20-х годов относились к зажиточной когорте людей: у нас тогда был большой, крытый железом, дом, держали домработницу, имели домашний скот: двух лошадей, коров, несколько овец, свиней, кур. Но случилась беда, приведшая нас к бедности. В один из жарких июльских дней 1924 года отец уехал с почтой в поселок Спас-Нудоль (12 км от нашей деревни), он тогда, кроме сельского хозяйства, работал на почте, мать находилась в роддоме, рожала очередного ребенка, домработница находилась в поле, жала серпом рожь. Все взрослое население нашего села тоже было занято уборкой урожая.

Дома оставались мой брат Петя - шести лет от роду, я еще не достигший четырех лет и сестра Нина, которой не было двух лет от роду. Воспользовавшись свободой, нам предоставленной, мы пододвинули стол к шкафу, поставили на него табуретку, достали из шкафа спички и стали играть: неумелыми детскими ручонками ставили на коробок вертикально спичку и ударяли по ней щелчком пальцев, спичка загорая летела, а мы любовались, надоело играть дома, вышли во двор, в котором находились, пригнанные на полдень домашние животные. Балуюсь огнем, мы подожгли солому, вспыхнул пожар, запылал наш дом... и сгорело 14 домов нашей деревни, стоявшие по наветренной стороне.

Это потрясло отца, и он как слабовольный человек нашел себе утешение в употреблении алкоголя. Построил новый дом, теперь на краю деревни. Вот этот дом мне запомнился, в нем прошло моё детство и моя юность. Как сейчас помню: от дома до самой речки тянулся наш огород - земельный участок, на котором мы сажали картошку и капусту, а позади дома - всякую мелочь:

огурцы, морковь, брюкву, лук, свеклу и пр.

Была у нас еще делянка, на которой выращивали рожь, лен. Кроме того, были усадьба площадью, примерно в один гектар и участок в лесу для покоса. Все это нужно было обрабатывать, и нас с малых лет приучили к труду: боронить землю, дергать руками лён, теревить его, вязать и копнить снопы ржи, ворошить сено и копнить его и т.д. и т.п.

Мне нравилось работать в поле, возиться в земле, выращивать и наблюдать, как созревает урожай, одним словом трудолюбие у меня, что называется, с детства в крови. Мне вспоминается как у нас «молотили рожь»: после сушки её в риге, снопы ржи раскладывали в два ряда колос к колосу и били цепами. Выходили все, и взрослые и дети. Любо-дорого было посмотреть, как работали: проворно, ловко, весело. Или копнить сено, так красиво копны выглядели на скошенном, но еще зеленом поле. Работая, шутили, переговаривались, а иногда и напевали. Зерно просеивали лопатой, сеяли вручную с лукошком на плече. У отца это получалось ловко: он брал горсть зерна, и, бросая его, ударял по стенке лукошка, и зерно равномерно ложилось на землю. Я без дела не сидел. Помогал во всем, даже нянчил своих младших братьев, кормил их - нажую черного хлеба, положу эту жвачку в кусок марли и в рот ребенку, а он наестся и спит, а сам в это время на речку, благо она была рядом с домом (всего 50 метров до неё). Речка, пожалуй, была самым привлекательным для нас местом для развлечений, купались, брызгались и ловили рыбу, в основном красноперок, и сами жарили, не потроша её. Любил я и ночное с лошадьми, ярким костром, печеной картошкой и страшными историями про леших и ведьм.

Куры у крыльца дома, кошки, собаки. Помню такой казус: на религиозный праздник, на Петров или Ильин день, шел крестный ход, так называлось шествие с иконами, молитвами во главе священника. Во время такого шествия священник и его окружение, заходят в каждый дом, а гостелюбивые хозяева обязательно

угощают служителей церкви, преподнося по целому стакану водки, и попу? и дьякону. Наш дом стоял почти на самом краю деревни, и пока до нас дошло церковное шествие, поп был уже изрядно пьян. Во время этого крестного хода мы с братом Петром на попа-батюшку натравили собаку, сколько было шуму, ахов, охов и проклятий в наш адрес, это ж кощунство, натравить собаку на служителя Бога. Больше всего досталось брату, он был двумя годами старше меня и уже учился в школе - в первом или во втором классе. Два дня и две ночи он скрывался в копнах сена, а я носил ему еду. А что было с собакой? Её в тот же день зарезал крестный мой - дядя Гриша. С тех пор мы уже никогда собак не заводили.

Вот, пожалуй, и все развлечения моего детства в родной деревне Устиново. Иногда отец давал мне полкопейки - «грош» - на ириски. Точно не помню, но кажется на «грош» в то время можно было купить несколько штук маковых ирисок, тогда я бежал в с. Ново-Петровское - это районный поселок, в магазин и покупал самое вкусное, что есть на белом свете - маковые ириски. Это лакомство в настоящее время совсем исчезло с прилавков магазинов, а жаль.

Моя мать - Круглова Александра Яковлевна роста невысокого, неказистая, постоянно была в работе, и почему-то я помню её постоянно болеющей. Всю свою жизнь она прожила в деревне, прожила 93 года, печально то, что умирала она трудно: в 88 лет потеряла зрение - ослепла, это угнетало её и придало трудности моей сестре Нине, у которой жила мать. Долголетие её объясняется, видимо тем, что она всю свою жизнь трудилась, жила в Подмосковье, в деревне, где свежий и чистый воздух. До замужества мать жила в с. Новоселье Псковской губернии, одно время служила господам, наверное, отсюда и душа у матери была довольно практическая.

Отец Круглов Василий Иванович высокий, услужливый, доверчивый, сговорчивый человек, прошел первую мировую и

гражданскую войну, был артиллеристом в звании фельдфебеля (по-теперешнему старшина). Не было предела его радости, когда он встречал кого-либо из артиллеристов в наше время, мне не раз приходилось быть свидетелем таких встреч в Ново-Петровске перед Отечественной войной они появлялись часто, и он был весь в воспоминаниях о прошлом.

В период коллективизации сельского хозяйства отец работал, кроме сельского хозяйства, в Ново-Петровской райконторе связи, кем? Не знаю. Он закончил церковно-приходскую школу, и имел всего 3 класса, и был самым грамотным человеком на селе, что внушало к нему уважение односельчан. В силу своего характера мой отец крестьянин и крестьянский сын был замечательным человеком, очень отзывчивым. Давно его уже нет в живых, а я часто разглядываю его единственную фотографию, сохранившуюся в моем семейном альбоме.

Отец и мать познали бедность и тяжелый крестьянский труд, видимо это является причиной того, что в период коллективизации активным её участником стал мой отец, в надежде на лучшее первым вступил в колхоз, очень жаль, что надежды его не оправдались.

Подробности о родителях, и их корнях я описать не могу, никто мне об этом никогда не рассказывал. Отец ушел из жизни рано - в возрасте 60 лет. Причиной тому вторая мировая война и его непосильный труд в годы Великой Отечественной войны на должности председателя колхоза и нельзя сбрасывать со счетов алкоголь, которым отец увлекался чрезмерно. На фронт отца не взяли, скорее по возрасту, но и в тылу он воевал: когда территория Ново-Петровского района Московской области была немецкой оккупацией - партизанил. После изгнания фашистов воевал тоже, за хлеб, за мясо, за те продукты, которые нужны были для разгрома непрошенного врага.

Коллективизацию помню смутно: переговоры, пересуды,

боязнь расстаться с тем, что было нажито годами. Люди в колхоз добровольно идти не хотели, покидали насиженные места и уходили на заработки в близлежащие города области или в Москву, не понимали этой коллективизации. В деревне оставались только женщины, дети и старики, оставались потому что были привязаны к дому, хозяйству - к земле, в городе их тоже ждала неизвестность. Оставшиеся работали в колхозе ради земельных участков около дома, которые полагались только колхозникам, в колхозе они отработывали поденщину - надо было отработать определенное количество трудодней, а кормились с собственных приусадебных участков, которые обрабатывались с любовью, со всей тщательностью. Эти участки обрабатывали и мужчины, работающие на предприятиях промышленности, навещавшие свои семьи по выходным и праздничным дням. Теперь в моей деревне коренных жителей почти не осталось, все ныне проживающие это переселенцы из Рязанщины.

Родители мои, насколько я помню, жили всё время в ссоре, даже в конце 30-х годов разошлись, мать взяла свою девичью фамилию Кузнецова, но продолжали совместное проживание в одном доме, да и мало кто помнит сейчас об этом эпизоде их жизни. Отец, что ни день еле на ногах стоит, то скандал, то драка. Денег у отца никогда не водилось, и в дом он их тоже не давал. Как принято в ссорах и раздорах защищать женщину и винить мужчину, тем более пьяницу, так и мы были всегда на стороне матери. Уже став взрослыми, видели причину их ссоры в том, что отец пил и ничего не приносил домой, а почему отец пил никого не интересовало, в том числе и нас.

Родители никогда не знали, что такое моды или модные тряпки, не обзаводились мебелью и никуда, и никогда не выезжали, если не считать неудавшейся единственной попытки матери поехать на Псковщину - на свою родину, когда она с Балагоя или Великих Лук вернулась назад, а причину этого почему-то я не усвоил.

Домашняя утварь самая обыкновенная: деревянные миски, деревянные и ложки, граненые стаканы, ухват, чугуны, а больше я ничего не помню. И ели мы тоже из одной, большой - общей чашки (миски). Дом у нас никогда не запирался, мы не были к этому приучены, видимо потому, что бедно жили. Обстановка в доме самая примитивная: стол, скамейка, пара табуреток, одна деревянная кровать на всех. Холодно и пусто блистал своими двумя комнатами наш дом, выходящий фасадом к реке. Перед домом росли стройные, высокие красавицы березы, тоже отжившие теперь свой век. Так жили мои родители, а рядом с ними мы - четыре сына и одна дочь. Росли, учились и трудились. Всё это есть главное достоинство нашей семьи, её главные ценности.

Сейчас с высоты прошлых лет, я вспоминаю жизнь своих братьев и сестры, и думаю, что у нас была не типичная крестьянская семья. Старший брат Петр, окончив семилетку, стал работать в Ново-Петровской районной конторе связи контролером почтовых операций. В 1938 году был призван в ряды РККА, участвовал в Советско-Финской войне в 1939 году, был ранен. По ранению в 1940 году, перед моим призывом в армию, приезжал на побывку домой. Это была наша с ним последняя и прощальная встреча. С началом Великой Отечественной он попал в плен и там погиб.

Сестра Нина (по мужу Званецкая), окончив семилетнюю школу, ушла работать в районный центр, работала на разных должностях и в различных отраслях деятельности, но крестьянкой не стала.

Брат Виктор 14 лет от роду был отправлен родителями в Москву в ремесленное училище, был предоставлен самому себе (наша деревня была оккупирована немцами). Рано пристрастился к спиртному, и на почве алкоголя ушел из жизни насильственной смертью - посредством петли в самом расцвете сил.

Младший брат Борис рано начал трудиться, а необходимости

в этом не было. Учиться не хотел, а возможности для учебы были самые благоприятны. Работая возчиком со взрослыми мужчинами нашей же деревни, и тоже научился пить, будучи почти ребенком. Затем учеба в Московском ФЗУ по окончании которого всю свою сознательную жизнь - до ухода на пенсию работал в метрострое. На почве пьянства страдает недомоганием, оставил семью.

Что нам дали родители? Чему мы у них научились? Что переняли? Наверное, ничего и ничему. Все стали зарабатывать рано, у всех разные дороги, и никто из нас не стал крестьянином.

В моей жизни не было гладкой дороги. В детские годы и годы юношества я познал горести и страдания, голод, болезни, каторжный труд и суровость войны. Моя молодость - это борьба с трудной жизнью простого человека, борьба с невзгодами, бедностью. У меня было трудное и бедное начало жизни: в 9 лет начал трудиться - выполнял всяческую работу на приусадебном участке: ходил за бороной, ворошил сено, сажал и убирал урожай, водил лошадь в ночное и приводил её, носил воду для скотины и пр., в 13 лет уже работал почтальоном деревни Устиново, за что мне платили 7 руб. 50 коп. в месяц. Это был 1933 - голодный, трудный год, люди умирали от голода прямо на улицах. Как сейчас помню, мой отец, опухший с голоду, лежал в постели, есть было абсолютно нечего, единственной пищей в то время была крапива и щавель, сваренные на воде. Мякина вместо хлеба. В это трудное время «Ванька маленький», так тогда звали Ивана Михайловича Бурова, нашего соседа (он был старше меня лет на 7 или 8), дал мне несколько капканов и научил ловить кротов. На пушнину тогда давали растительное масло, селедку, муку, крупу, сахар, махорку, папиросы и другие продукты. Этим теперь и жила наша семья, и отец поднялся, выходило так, что я стал чуть ли не главным кормильцем, и курить научился, как же взрослый человек, курил махорку. Зимой мы ходили на железнодорожную станцию Устиновка, около 3-х км. от дома, расчищать рельсы от снежных заносов, работали в основном мальчишки, такие же как я

- по 14-15 лет. Все мы были крепкие, здоровые. Взрослые, как правило, устанавливали вдоль железнодорожного полотна снегозащитные (снегозадерживающие) щиты. Один год, вернее одну зиму мне пришлось работать на лесозаготовках, заготавливали для предприятий Москвы дрова. Заготавливать дрова меня взял к себе подручным всё тот же Иван Буров, который выматывал мои силенки до предела. Работали с раннего утра и до позднего вечера. Добравшись домой, буквально валился с ног, каждая косточка ныла во мне, а на утро снова в лес - на заготовку дров.

В школу пошел поздно в 1929 году, в возрасте 9 лет. В 1933 году закончил 4 класса, что дальше? Деревенская жизнь вокруг что ни на есть плачевная. Одна единственная школа, стоящая в селе Ново-Петровском, впритык к церкви, школа четырехлетняя, с одним учителем с четырехлетним образованием. Тогда в нашей стране действовал закон об обязательном четырехлетнем образовании. Большинство детей окружающих деревень: Устиново, Рыбушки, Кореньки, Головино и др. в школу не ходили, ходить было не в чем.

В 1934 году я пришел в Ново-Петровскую районную контору связи молоденьким мальчишкой, устроился работать почтальоном. Мне 14 лет, образования по сути дела нет. Как быть с дальнейшей учебой? Какое там учение в голодные годы, тем более в Ново-Петровске. Хотя это был районный центр, но в нем даже не было семилетней школы, не говоря о средней. Чтобы продолжить учебу, надо было ехать или ходить в село Никольское или Спас-Нудоль, которые находились в 12-15 км. от дома. По тем временам это далеко, транспорта никакого, ходить нужно было только пешком. Ежедневно ходить на такое расстояние - в два конца 25-30 км. было не по силам, а снимать угол и жить в селе, где есть школа - не по карману родителям. Помню, старший брат Петр один год жил и учился в с. Никольское, окончив 5-й класс вернулся домой, и стал работать в Ново-Петровской конторе

связи. Да и все дети крестьянских семей тогда начинали трудиться с малых лет.

В колхозе тогда только работали, получать что-либо на трудодни не получали, ни деньгами, ни натурой. Жили за счет приусадебных участков, находящихся в личном пользовании и побочными заработками. Это было начало отлучения крестьян от земли.

После года работы почтальоном уволился, денег, которые мне платили за работу почтальона, не хватало даже на еду. Мне хотелось стоящего дела, дела которое могло бы зажечь, встряхнуть меня. А тут подвернулось дело - учеником сапожника, на первых порах оно меня как бы увлекло, все-таки хоть какое то, но ремесло, и я пошел учиться ремеслу сапожника. Кое чему научился, даже стал самостоятельно заниматься ремонтом обуви на дому, принимал заказы, а один раз взялся самостоятельно сшить новые хромовые сапоги, и сшил их, но они почему-то протекали, т.е. пропускали воду через подошву. Может быть, я работал бы и дальше, научился бы исполнять заказы качественно, но мне надоело бегать за водкой для мастеров, которые посылали меня за ней при каждом заработанном «налево» рубле. К тому же в знак благодарности зельем этим угощали и меня.

Родители нас не баловали. Желания наши тоже не выполнялись. Отказался работать на почте, ушел из сапожной мастерской, паси скотину. Пошел подпаском (помощником пастуха) в деревню Ульево. Взял меня пастух, очень жаль, что не помню его ни фамилии, ни имени, перед этим он пас скотину в нашей деревне. Какая это оказывается трудная и нерадостная работа - пасти скот, ни отдыха тебе, ни покоя: то корова телится, то овца ягнится, ты бежишь сломя голову в деревню, чтобы известить об этом хозяина, а если уснешь ненароком, корова молока мало даст, виноват пастух. Набрался за лето упреков, и дал зарок не касаться никогда этого дела. Да и должность пастуха не обогащала никак, ни духовно, ни материально.

В 1936 году вновь вернулся в Ново-Петровскую районную контору связи, и так я снова почтальон. Начальником конторы связи в то время был Павлов Сергей Николаевич, человек вдумчивый, с передовыми взглядами, он организовал при конторе связи вечернюю школу и заставил нас учиться. Работая почтальоном, я закончил 6-й класс неполно-средней школы. Работа и учеба теперь стали смыслом моей жизни. К этому времени в Ново-Петровске была открыта средняя школа, 7-й класс я заканчивал при этой школе. Постепенно, по крупицам набирался знаний, опыта, решительности, выдержки, сам не заметил, как пролетело время.

В 1938 году я уже работал сортировщиком корреспонденции. Сколько я познал тогда. Корреспонденция (письма) шла во все концы нашей великой Родины, а сортировались письма вручную: сколько перед моим взором прошло городов, сел, больших, маленьких, значительных и незначительных.

В 1936 году я вступил в комсомол, а в 1938 году меня избрали секретарем комитета комсомола первичной комсомольской организации Ново-Петровской райконторы связи, а в 1939 году был избран еще и председателем рабочего комитета профессионального союза работников связи.

Активное участие в общественной жизни помогло мне полнее и глубже ощутить свою причастность ко всему, что происходило в районе, области, стране. Общественной работой у нас были заняты все комсомольцы: вели культурно-просветительную работу в организациях, на предприятиях, руководили политкружками, участвовали в расчистке железной дороги от заносов снега, в добыче торфа для Шатурской электростанции, в кружках художественной самодеятельности и пр. и пр. Я был, пожалуй, самым активным участником художественной самодеятельности. Характерно то, что нашим кружком художественной самодеятельности или как называли его

- драмкружком руководила специалист - артистка Московского камерного театра Могутина Августа Ивановна, человек влюбленный в дело, которому посвятила свою жизнь и свою любовь к театру прививала и нам. Мне пришлось под её руководством сыграть несколько ролей в различных спектаклях и водевилях. До сих пор сохранились в памяти моей роли: Стёпы окулиста в пьесе «Платон Кречет», роль сыгранная в пьесе «Чужой ребенок», в водевиле «Под дикой яблоней». Сыграл заглавную роль в пьесе «Огни маяка», причем роль Якутина выучил за три дня до её постановки. Не имея ни малейшей склонности к актерству, эту ведущую роль играл на сцене Ново-Петровского дома культуры без репетиции, надо срочно заменить игравшего эту роль Смирнова. Я не помню, по какой причине он не мог играть этот спектакль: по болезни ли или он проводил судебный процесс - Смирнов работал народным судьей, а процессы тогда, это был 1938 год, были обычным явлением. Участвуя в драмкружке я как бы открывал в себе себя, свои возможности, учился искусству, быть подвижным, активным. Помню, как выезжали драмкружком в глухие уголки нашего района - на предприятия, фабрики, с собой возили плакаты, листовки, популярные брошюры по текущим вопросам политики и экономики страны, и даже распространяли лотерейные билеты. Кроме того, приходилось часто проводить собрания в деревнях. Я и теперь часто, и с волнением вспоминаю наш драмкружок, кружок художественной самодеятельности. У нас было много умных, бойких, красивых девушек. Мы вместе репетировали, играли на сцене. У меня было много возможностей подружиться с девушкой, но я дружил со всеми. Робость не исключаю, ибо боялся, что ли, оставаться с девчонкой наедине: а вдруг скажу что-либо не то, неуместное, позволю себе то, что оскорбило бы девушку?

А жили впроголодь, ту же подпоясывали ремнями исхудавшее тело, не хватало хлеба, но каждое поручение, будь то

агитация за коллективизацию, за выборы в Верховный и местные Советы депутатов трудящихся, организация драмкружка, проведение собраний, митингов, строительство стадиона и пр. мы рассматривали как возможность воспитать в себе такие качества как стойкость и мужество, дисциплинированность. Мы были молоды, но очень дисциплинированными и удивительно, что были мы очень дружны. Работали, не поглядывая на часы. Да и часов-то тоже почти ни у кого не было. У меня сохранилось в памяти, как райком комсомола послал меня в ближайшие от районного центра деревни с агитацией по мобилизации молодёжи на ликвидацию топливного голода. Подмосковная Шатурская электростанция из-за недостатка топлива могла остановиться, тогда Москва оставалась бы без электроэнергии. Я ходил по селам и агитировал молодёжь, шел 1940 год, комсомольских организаций в селах в то время не было или почти не было. Обойдя село, я набирал 3-5 человек желающих заработать, и, возглавив набранную бригаду, поехал с ней сам в город Шатуру добывать торф. Работа протекала в сложных условиях: скудное питание, по колена в воде и в грязи, сон под открытым небом при обилии комаров, и никаких культурных развлечений, кино вообще тогда было редкостью. Но стране нужно было топливо, и мы добывали его, не считаясь с трудностями. Слов «не хочу» или «не могу» не существовало для нас. Это было действительно трудное и славное время.

Молодость - пора становления человека. Пора накопления знаний, опыта, пора духовной закалки. Я стараюсь вспомнить и помню свою молодость, и надеюсь, уверен, что я не делал глупостей. Один мой порок - это то, что я был и остался, теперь уже до конца моих дней, не практический человек, всегда пользовался тем, что было сделано людьми до меня.

Будучи вожаком комсомольской организации, узнал о шефстве комсомола над Военно-Морским Флотом СССР, и у меня загорелось желание стать моряком, и обязательно командиром, благо с семилетним образованием в довоенные годы принимали в

военные училища. Подал заявление в райком комсомола, вернее мне предложил это сделать бывший в то время секретарем райкома комсомола Василий Родионов, тогда райкомы комсомола занимались подбором комсомольцев для направления их в военно-морские училища. Почему меня потянуло на военную службу? Обстановка в мире была сложная, то в одном, то в другом пункте земного шара вспыхивали конфликты. Напряженно жила и наша страна: в 1938 году бои с японскими милитаристами на озере Хасан, в 1939 году - на реке Халхин-Гол, в 1939 - 1940 г.г. война с Финляндией, еще раньше война в Абиссинии - Испания, Мюнхенский сговор и пр. и пр.

Я не очень разбирался в политике, в её тонкостях, но из всех чувств, мыслей и стремлений, которые владели мною, сильнейшим было одно - быть там, где трудно, где опасно. Хотелось, чтобы мною восхищались, что вот, мол деревенский парень, сын крестьянина Василиванов Володька (у нас в деревне всех называли по имени отца или матери, или по прозвищу: Василиванов, вместо Круглов, Акулинина, вместо Карасевой, Ванька Огородников - настоящая фамилия Селифонов и т.д., учится на командира. Сейчас этим уже никого не удивишь. Теперь подавляющее число студентов ВУЗов страны, в том числе и высших военных учебных заведений, из крестьянских и рабочих семей.

Тайком от родителей, думал порадовать их, летом 1939 года я деревенский парнишка, по путевке райкома комсомола я предстал в Москве перед мандатной комиссией, вступительных экзаменов не сдавали, чтобы стать курсантом военно-морского училища. Райком комсомола меня рекомендовал, дал путевку, и он же меня подвел. По халатности или невнимательности исполнителей не было внесено в мою учетную карточку изменение об образовании. В комсомол я вступил в 1936 году, имея образование 5 классов, а ко времени поступления в училище я уже закончил 7 классов, что не нашло отражения в делах комсомольских. До сих пор, как укор, стоят в памяти слова

лысого, с суровым взглядом из-под очков капитана 1-го ранга, видимо председателя мандатной комиссии: «Армии и Флоту безграмотные люди не нужны». Он же не знал моих способностей, так как по путевке комсомола в училище зачислялись без экзаменов. Я же не мог доказать свое действительное образование, документов с собой не было. Комиссия работала в Москве, а поезда в то время в Ново-Петровское ходили один раз в сутки: утром в Москву, вечером из Москвы. Стало быть, повторно мог приехать только на второй день, да и нужды в этом не было, выбор у них был большой и со мной никто не хотел разговаривать. Молодёжь была патриотически настроенной, шла служить с охотой.

После неудачи, постигшей меня с поступлением в военноморское училище, я вновь с головой ушел в работу, теперь уже в новом качестве. Я был переведен на должность заведующего Райбюросоюзпечати все в той же Ново-Петровской конторе связи Московской области. Поначалу было трудно, новая работа, большая общественная нагрузка тоже новая, был избран председателем рабочего комитета профессионального союза работников связи, новые отношения с людьми. Пересиливая себя, постепенно втянулся. Эта работа меня захватила полностью: работа с общественными распространителями печати, с активом района. Я заведующий Райбюросоюзпечати, председатель рабочкома, секретарь комитета комсомола. Коммунисты первичной партийной организации райконторы связи рекомендуют и готовят меня для вступления кандидатом в члены ВКП(б). Готовлюсь для вступления в партию. Принят первичной партийной организацией, а райком партии отказал по политическим мотивам в приеме кандидатом в члены ВКП(б). Что за мотивы? Точно не помню, в феврале или марте 1940 года были назначены выборы в местные Советы депутатов трудящихся. Я активный агитатор по выборам. В нашем, Ново-Петровском районе, выходила газета «Колхозная жизнь», и вот в разгар

избирательной компании выходит газета, на первой странице которой заглавными буквами по вине наборщиков и корректора типографии, было напечатано «Избирательная компания качалась», вместо «началась». Эта газета большим тиражом пошла подписчикам, а в районе было одиннадцать агентств связи и один киоск союзпечати. В эти агентства связи и киоск союзпечати была направлена газета для доставки подписчикам и розничной продажи. Правда, до подписчиков дошло небольшое количество, которые были изъяты, а вот кому была продана газета розничной продажей, установить было трудно. Меня обвинили только в том, что я не читаю газеты, разрешил её продавать и доставлять подписчикам. Вины моей здесь нет. Однако, при приёме кандидатом в члены ВКП(б) упрек мне сделали, доказательства, что в таком случае я должен читать и все поступающие к нам центральные газеты, во внимание не брались и комментарии по этому вопросу были излишни. Особенно на мою политическую близорукость уповал уполномоченный НКВД.

Мне часто приходилось выступать перед своими сверстниками, совсем молодыми ребятами и девчонками, только начинающими свой жизненный путь. И каждый раз думал: пригодится ли кому-нибудь мой небогатый жизненный опыт. Рассказывать приходилось об индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, о стройках первых пятилеток, о товарищах, о тех, кто сражался на озере Хасан, реке Халхин-Гол, второй мировой войне, её начале. Вначале получалось очень плохо, или вообще не получалось выходить на трибуну и говорить перед большой аудиторией. Постепенно освоился, и что очень важно, оказанное доверие поставили меня перед необходимостью по-новому осмыслить свое место в жизни, свое отношение к людям, а это не так просто сделать, когда тебе нет еще и 20 лет.

Ко мне как председателю рабочкома и секретарю комитета комсомола часто заходили люди, делились своими мыслями, я

всех выслушивал, старался помочь словом и делом. У нас хорошо была поставлена комсомольская работа: спорт, военная игра, кружок текущей политики, художественная самодеятельность. Плюс к этому почти все учились, кто в школе рабочей молодёжи, кто в техникумах и ВУЗах. К знаниям тянулись почти все, с кем я был близок по производственной и общественной работе, и все начали рано работать. Нелегко было после работы садиться за конспекты, готовиться к очередному занятию, а еще общественная работа, погулять хотелось, годы-то молодые. Но в учебе мы видели перспективу, цель. А когда ясно видишь перед собой цель, трудности отступают. Так работал, учился, занимался общественными делами. Время было такое: молодые и минуты не проводили попусту, старались использовать все свободное время для учебы, самосовершенствования, физической закалки, приобретения полезных навыков.

Конечно, без совета, постоянной помощи не обходилось. В памяти моей навсегда остались начальник конторы связи Измайлов Николай Петрович. Он пришел к нам в 1936 году после демобилизации из Красной Армии, в звании заместителя политрука. Как-то я привязался к нему и даже увязался за ним, не пропускал ни одного его слова. Мы с ним подружились, несмотря на возрастную разницу. Подружился я и секретарем Ново-Петровского райкома комсомола Василием Родионовым, с редактором радиовещания Настей Хрустальной и многими другими работниками районного звена. Друзья мои, наставники научили меня грамоте, дали рекомендацию в комсомол, помогли овладеть искусством трудиться. Если говорить откровенно, то мне всю жизнь везло на хороших людей.

Много было и непонятного. Когда я стал заведующим райбюросоюзпечати, то по роду работы, мне пришлось чаще обращаться в партийные органы, общаться с партийными, советскими и хозяйственными руководителями района. И когда по утрам, придя на работу, слышал, что сегодня ночью «взяли того-

то» и за «то-то», верил сверхпатриотам, которые утверждали что «всех пересажать надо». В 1938 году так взяли директора машинотракторной станции Павленко, я хорошо знал его сына, который учился в 10 классе Ново-Петровской средней школы и, конечно, был отчислен из школы, как сын врага народа. Арестовали Главврача Ново-Петровской больницы и др. Эти «взятые», без суда и следствия, бесследно исчезли.

В годы коллективизации из моей родной деревни Устиново раскулачили три семьи, вернее обезглавили три семьи. Семьи оставили, а глав семей изолировали. Из трех арестованных действительным негодяем был только один - Виноградов Иван Иванович, он то и не исчез, в его защиту, и по вызволению из мест заключения, а затем на состоявшемся суде в качестве защитника своего отца выступил, подвизавшийся в адвокатуре, сын тоже Иван Иванович, и подлинный враг народа был реабилитирован судом. В годы оккупации нашей территории немецко-фашистскими войсками Виноградов И.И. стал старостой.

Теперь, когда я познал жизнь, много открылось по-иному. Теперь я могу смело сказать: в те годы каждого умного человека подозревали и особенно если этот умный человек находился на высокой должности и имел своё собственное мнение.

НАЧАЛО МОЕЙ ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ

30 сентября 1940 года меня подстригли под машинку, и до чего было интересно ощупывать свою голову. Я уходил в Красную Армию, в какие войска, не знал, просто уходил служить Родине. Провожали нас весело, нас - это меня и моего односельчанина Васю Исаева. Нам говорили какие-то напутственные слова, желали скорого возвращения и прочая... Предчувствуя, что скоро не вернусь, или вовсе не вернусь - во многих уголках земного шара шли боевые действия - впервые в жизни объяснился я в любви

девушке Тане, которую любил давно. Любил без взаимности, поклонников у неё было больше чем достаточно, и все-таки, я получил от неё согласие, пока на переписку.

К месту службы путь был долгий. Ехали до места назначения больше 10 суток. Отправляли нас не с вокзала, а с какого-то тупика города Москвы, в теплушках (товарных вагонах). Все или почти все мы были в хорошей одежде в которой должны были вернуться домой по окончании службы. В 1940 году нарком обороны маршал советского Союза Тимошенко издал приказ о хранении личных вещей военнослужащих срочной службы в воинских частях весь срок службы, а при увольнении в запас военное обмундирование подлежало сдаче, вернуться домой после 3 лет службы надлежало в своей одежде. Вот и ехали все в хорошем одеянии. Много было нареканий, недовольств, в те предвоенные годы военнослужащие их форма одежды пользовались особым уважением, и поэтому каждому из нас хотелось вернуться домой именно в военной форме. Никто тогда не думал о войне.

Это была моя первая в жизни дальняя дорога. Дальше Москвы - 76 км., я никогда не ездил. Сколько было человек в вагоне? Не помню, да и значения этому не придавал. Но было очень тесно и душно. Удобств, разумеется, никаких. Быстро перезнакомились, народ собрался что ни наесть самый разнообразный. Объединяло лишь одно, что все были или из самой Москвы или из Подмосковья. До места назначения добирались с приключениями, и даже с неприглядными поступками, что омрачало и огорчало многих. Много было москвичей уже познавших жизнь, избалованных, умеющих изворачиваться, некоторые с деньгами: на остановках а их было много, спрыгнув на перрон, бежали к палаткам (ларькам) или на привокзальные базары, иные покупали, иные грабили (воровали), покупали спиртное, а выпив устраивали дебоши, сочиняли непристойности и сквернословили. Нас, деревенских, считали людьми мелкого

пошиба. В конечном итоге дело дошло до того, что с прибытием нашего эшелона на очередную станцию закрывались торговые точки и привокзальный рынок. Мы были лишены возможности купить что-либо съестного, а кормили нас горячей пищей только 3-4 раза за всю дорогу. Первый раз в Киеве. Путь наш лежал на Западную границу - 95 пограничный отряд.

10 октября 1940 года нас выгрузили на станции города Надворна, в прошлом Станиславской, ныне, Ивано-Франковской области - на только что освобожденной территории Западной Украины. Никаких речей, никакой музыки, все по-деловому, так сказать. И начали делить кого в пограничные, кого во внутренние войска НКВД (наркомат был един), я еще несколько человек из вагона, в том числе и Вася Исаев, попали в пограничные войска. В этот же день нас пешим порядком перебросили в город Делятин, где нам предстояло пройти курс молодого красноармейца. Разместили нас всех в одном одноэтажном здании, длинном, как сарай, распределили по учебным подразделениям, помыли в бане, после помывки там же, в бане сразу стали обмундировывать.

На первых порах было тревожно и как-то ненормально. Трудно было привыкать к новым условиям жизни, к солдатской жизни. Сами условия были тяжелые. Но через короткий срок - короткий отрезок времени стало повседневностью, привычными деталями: ползать на животе, закапываться в землю, совершать походы, стрелять. Как это все потом пригодилось. Не жалея сил, учились военному делу, шлифовали свое пограничное мастерство, совершенствовались духовную и физическую закалку. Когда грянула война, мы сумели проявить боевое умение, мужество и самоотверженность. К этому мы были подготовлены всей службой»

На учебном пункте, на первом же комсомольском собрании, избрали меня секретарем комсомольской организации учебного пункта, разумеется не освобожденным. Нужно было показывать пример терпения, мужества, стойкости, сознательной воинской

дисциплины, а как не просто это было.

Прошел первоначальную подготовку на учебном пункте и меня зачислили рядовым на кавалерийскую пограничную заставу. Я уже привык к тяготам, закалился мой характер, чувствовал себя сильным, но недостаточно умелым - практических навыков охраны границы у меня, разумеется, не было. А на границе нельзя расслабляться ни на один день, ни на час нужно было постоянно быть в состоянии боевой готовности. Хортистская Венгрия, на границе с которой я начал службу, готовилась к войне против нас, организовывала диверсионные и шпионские группы, которые засылались в нашу страну для подпольной вредительской работы. У некоторых врагов были на нашей стороне родственники, знакомые и пр., которые укрывали их. Так вот, значит какая она, граница! Я не очень-то представлял себе, что она такая. Я знал о ней только по кинофильму «Граница». Это единственный кинофильм, увиденный мною о пограничниках до призыва в армию.

На границе было тревожно, она жила в ожидании чего-то важного, необычного. Не было сомнений, что война грянет. Мне как секретарю комсомольской организации, а затем заместителю политрука заставы, помимо работы на заставе, приходилось еще участвовать в воспитании населения, освобожденного Красной Армией в 1939 году из-под ига польских панов. Выступал с докладами, беседами в сельских клубах, принимал участие в подготовке и проведении выборов в местные советы депутатов трудящихся. Народ в своем большинстве был забитый, темный или прикидывался таким, не знаю. Помню, долго готовил одного гуцула выступать на митинге перед избирателями, и он выступил. Привожу дословно его выступление: «Товариши! Мы все товариши, давайте же будем робить как нам кажут товариши».

До освобождения Западной Украины в 1939 году, здесь, по существу, хозяйство велось примитивным, кустарным способом. Новая жизнь началась после воссоединения её с Советской

Украиной. Край только что начал преобразовываться, причем становление Закарпатья тесно связано с боевой службой советских пограничников. Они были первыми, кто проводил среди населения агитационно-массовую работу. Воины границы вели борьбу с бандами, контрабандистами, задерживали шпионов, диверсантов, помогали местному населению. Нелегко было в то время. Шла вторая мировая война. Гитлер и его сателлиты готовили нападение на СССР, на только что освобожденной территории действовали контрреволюционные элементы, а мы молодые комсомольцы, воины-пограничники, невзирая на опасность организовывали комсомольские ячейки, проводили работу по агитации местного населения за коллективизацию, которую никто не хочет признавать. Наши рассказы о колхозах воспринимались с каким-то страхом и недоумением.

На заставе не сразу все давалось. Помню первый наряд на границу: с первого раза хотелось заметить и взять нарушителя. Он мне мерещился везде и всюду: под кустом, деревом. Потом пришел опыт и умение. Наверное, каждому пограничнику памятна первая ночь на границе.

На границе каждый день был сопряжен с действиями, длительными преследованиями нарушителей границы, трудными поисками. В пограничном наряде особенно трудно было ночами. Службу несли по 10-12 часов в сутки, притуплялось внимание, клонило ко сну. Первый раз в жизни мне пришлось принять участие в задержании нарушителя границы, пытавшегося нелегально пробраться в нашу страну. Он вначале оказал сопротивление, а потом, видя бесполезность этого, сдался. Мы доставили его на заставу, это было в конце февраля или начале марта 1941 года, не раньше, потому что хорошо помню, что на заставу я прибыл в январе 1941 года. Март 1941 года в Закарпатье характеризовался порывистыми ветрами попеременно с мокрым снегом и дождем. Видимости никакой, вернее почти никакой, особенно ночью. Участок границы проходил по заросшему

участку леса. Я со своими товарищами нес службу в секрете. Располагались так, чтобы слухом и наблюдением охватить охраняемый участок. За ночь ничего не случилось. Перед рассветом до слуха донесся шорох. Старший наряда Анипко дал знак и мы затаились, затем он приказал проползти вправо до развесистого дерева с задачей, если кто появится дать ему пройти себя, чтобы отрезать обратный путь. Сердце мое трепетало, ведь я впервые вот так столкнулся с нарушителем границы, одна мысль тревожила меня, не упустить, задержать его, слежу за каждым движением нарушителя, нервы напряглись до предела, но я не шелохнулся, пока старший наряда не подал сигнал подойти к нему.

В апреле 1941 года я заступил в наряд - дозор, старший пограннаряда ефрейтор Юдин (командир отделения), третьего фамилию запомнил, шли по дозорной тропе, когда сумерки плотно окутали землю. Я старался не сойти с дозорной тропы, напряженно вглядывался в темноту ночи, не пропуская ни малейшего шороха. Пришли на место несения службы. Залегли, сколько времени пролежали не могу вспомнить, но где-то к концу срока службы в наряде мы услышали шорохи, усилив внимание, увидели, что двое человек вышли на тропинку, дойдя до гребня, остановились, видимо прислушались, потом на небольшом расстоянии друг от друга тронулись, пошли дальше. Было принято решение задержать их. Бесшумно двинулись на перехват, и когда приблизились, как-то враз оба крикнули: «Стойте! Руки вверх». Нарушители бросились в разные стороны, мы открыли огонь. Один нарушитель был ранен, им оказалась женщина. Второй - ушел. Женщина была ранена во влагалище. Надо же было пуле пройти между ног женщины. Ей нужно было оказать помощь - перевязать место ранения. Как это сделать? Как подступиться? Ведь надо задрать ей платье, снимать трусы. Надо, значит надо. Перевязку сделал. Доставили на заставу. Понемногу исчезло тревожное беспокойство, неуверенность, понял, что всегда можно

рассчитывать на помощь старшего товарища. Многие солдаты и сержанты служили на заставе продолжительное время - по третьему и по четвертому году. Угроза войны задержала их увольнение в запас, да и служили тогда срочную службу 3 года. Но никто не жаловался на трудности. Это свидетельство, что на границе - люди высокого долга. Не помню чьё это изречение, но сказано хорошо: «Граница - фронт, уютных, безмятежных уголков на ней не бывает». Застава у нас была боевая. За полгода моего пребывания на ней (с января по 22 июня 1941 года) было задержано несколько нарушителей. А сколько нужно было труда, чтобы обеспечить надежную охрану границы, воспитать высокую бдительность у личного состава. Технических средств охраны границы, в том понятии, которые применяются теперь, ничего и близкого не было. Отправляясь в наряд на границу, мы могли рассчитывать только на коня, собственные силы и зоркие глаза, тоже свои. Очень большое физическое напряжение вызывала служба на границе.

Заканчивая эту главу, хотелось отметить, что граница жила напряженно. Не было дня, чтобы нас не поднимали по тревоге, иногда по нескольку раз за ночь. Среди задержанных были агенты иностранных разведок, бандиты из организаций украинских националистов, контрабандисты и прочие. Были перебежчики. Начиная с весны 1941 года, вдоль границы противником возводились наблюдательные пункты, производились инженерные работы: создавались окопы, укрытия, огневые позиции. Каждый день наблюдением с пограничной вышки мы устанавливали что-то новое. Солдаты рыли окопы у самой границы. Точно не скажу, кажется, в конце апреля или начале мая стали прибывать регулярные части противника. Солдаты Венгерской армии переходили границу, даже от них нам стало известно о готовящемся нападении на СССР в двадцатых числах мая 1941 года. Активизировалась подрывная деятельность и в нашем тылу. Открыто стали говорить, вернее, распространять слух среди

местного населения, что «советов скоро не станет, они уйдут». Молодёжь призывалась к уходу за границу. Совершались убийства активистов. Иными словами, начиная с весны 1941 года, мы были в ожидании войны.

Осложнение обстановки на границе не могло не вызвать ответные действия с нашей стороны. Наряду с несением службы на границе, кстати, службу теперь несли в составе отделения в подготовленных окопах и щелях, совершенствовали систему обороны заставы, создавали круговую оборону. Нам выдали, так называемый неприкосновенный запас: консервы, галеты и неприкосновенный запас боеприпасов. И все это всегда было при себе. День ото дня совершенствовали мы оборону, для этого даже развернули социалистическое соревнование. Политическая работа была самой активной: политические информации, митинги, беседы.

ГОДЫ ВОЙНЫ

«Не забудьте ...! Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и вас... не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чьё имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами».

Юлиус Фучик

Я не слышал и не читал правительственного сообщения о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Газеты к нам не поступали, радио молчало. Мы дрались, не зная положения даже у своих ближайших соседей, не говоря уже о положении противника. Он был всюду: перед фронтом, в тылу, на флангах.

Я вступил в бой с врагом на рассвете 27 июня 1941 года.

Мадьяры начали наступление, когда немецкие войска уже рвались к Львову и Минску. Начали атаку без артиллерийского огня. Их попытка сходу овладеть участком заставы успеха не имела. Пограничники, опираясь на заранее созданные укрепления, отразили их атаку. Оставив на поле боя несколько убитых и раненых, венгры отошли, произведя перегруппировку, начали новую атаку. Завязался бой, сражаясь с численно превосходящими силами противника, застава огнем остановила атаку противника. Но когда они пустили против нас больше батальона пехоты с танками, то через два часа боя нас осталось в живых 13 человек из 62, один пулемет «Максим» и десяток ручных гранат, одна винтовка СВТ, остальные трехлинейки. Продуктов нет, боеприпасы на исходе.

Первый бой помню, он сохранился в моей памяти до мельчайших подробностей. А было это так. В составе отделения я находился в пограннаряде. На рассвете 27 июня 1941 года мы заметили оживление на границе, движение людей, стали демаскироваться боевая техника и оружие... и сразу, как-то неожиданно цепь пехоты накатилась на наши окопы, разбилась одна цепь, тут же другая. Мы, пограничники ведем бой, каждый из нас чувствовал свою ответственность, морально был подготовлен к этому. Обороняли свои окопы, как говорится, насмерть... и вдруг страшный удар в голову, все пошло вокруг, в сознании прошла вся моя жизнь от детства, насколько я помнил себя, до этого страшного удара. Очнулся быстро, ранен в голову. И покинул бы поле боя, но некуда, бой со всех сторон, медицинских пунктов и в помине нет. Слышу топот ног, свист пуль. Стискивая зубы, сам себе сделал перевязку, и в бессильном отчаянии, сжимая в руках винтовку, снова веду бой. Не знаю, как долго все это продолжалось, но у меня появилось одно желание: убивать их, за то, что, они пришли на нашу землю, за то, что они перешли нашу границу, границу священную и неприкосновенную, появилась какая-то беспредельная ненависть к врагам Родины. И вдруг команда: «За

Родиной! За Сталина! В атаку! Ура!» Падали мои товарищи под пулями и осколками. К сожалению, в моей памяти не сохранились их имена. Позже, уже в Алма-Ате в 1960 году я встретил двоих, ими оказались Снитко Лука Иванович: на заставе был кузнецом, в училище - заместителем командира роты учебного обеспечения по политической части, и Васильев - работавший тогда начальником арттехвооружения училища.

Я никогда не забуду, не смогу забыть всех, до одного человека-солдата, кто принял самый первый бой, и тех, кто погиб на переднем крае нашей Родины - на государственной границе. Не могу передать и того ужаса, который охватил меня с завязкой первого боя. Это трудно передать. Я ожидал последней минуты своей жизни, ждал вот- от оборвется она. Но когда первая атака врага была отбита, жизнь показалась совершенно спокойной, и даже радостной, как будто и не было этого боя. Это только показалось, но когда оглядевшись вокруг, и увидел убитых и тела раненых своих товарищей, то вдруг вернулся к действительности. Вновь в голове появилась навязчивая мысль: «Всё Володя, твоя биография кончилась сегодня, вот здесь, вдали от родного и самого близкого тебе дома, на этой границе». Молодой же был, и необстрелянный еще, когда принял первый бой. Честно говоря, у меня еще и другая была мысль, а выдержу ли я, не струшу ли?

О массовом героизме пограничников рассказано много. Скажу одно: среди нас все были герои. Никто не дрогнул, не отступил. А потом были другие бои, не менее жестокие и кровопролитные, много было впереди, но это был первый бой, и нам пришлось тогда жарковато. Когда окутанная дымом и огнем застава доживала последние минуты, мы покинули её. Меня поразило то, что никакого уныния, растерянности среди нас не было. Все нацелили себя на одно: сражаться до последнего дыхания. Отходили к комендатуре, которая находилась в Ворохте. Нас встретил офицер в звании капитана. Кем он был? Не знаю, я никого из состава комендатуры не знал. Солдатское дело - нести

исправно и со знанием дела пограничную службу. Назвал этого человека потому, что мы прибыли в комендатуру, чтобы влиться в её состав, и узнать, что нам делать дальше. Все-таки нас 13, уже понюхавших пороху, солдат, а он нам заявил: «Спасайтесь, кто как может». Кто он? Может быть, враг? Не знаю. Мы идем на Восток.

В городе Чертков нас встретили, засевшие в подвалах домов и на колокольни церкви, украинские националистические банды огнём. Враг открывал огонь то из одного, то из другого дома и с колокольни церкви. Конечно, справиться с ними горсточке пограничников в 13 человек, не представлялось возможным, поэтому взяв на себя роль командира, я дал команду отстреливаясь обходить очаги сопротивления. Боеприпасов у нас почти не было, добыть патронов не удавалось. Уже на выходе из города Чертков мы от генерала Понеделина, командующего южной группой войск РККА, получили приказ: огнем прикрыть переправу дивизии через реку Днестр, руководство этой армии обеспечило нас и боеприпасами. Через реку Днестр был действующим один мост и одна паромная переправа. Усталые, голодные мы вступили в схватку с численно превосходящим нас противником. Река бурлила от разрывов снарядов, авиация противника вела по переправе пулеметный огонь. Было трудно, но все подразделения генерала Понеделина переправились на противоположный берег. И когда после переправы, которая, казалось никогда не кончится, были взорваны мост и паром, мы остались на берегу противника. У нас было три выхода: первый - преодолеть реку вплавь; второй - остаться в тылу врага партизанить, третий - просто сдаться в плен. Третий отпал сразу. Второй - неведомый для нас. Был принят первый. Оставалось обеспечить нашу переправу вплавь огнём. Можно было приказать любому пограничнику остаться для прикрытия своих товарищей на плаву, и любой бы не колеблясь остался бы, но мы бросили жребий кому оставаться: в зеленую фуражку положили 13 бумажек, и только на одной из них было написано: «Остаёшься». Этот жребий выпал Ванину. Мы зарядили

две ленты (каждая по 250 патронов) для пулемета «Максим», и бросились вплавь. Бой продолжался несколько минут, пока мы преодолевали реку, и все это время пулеметчик Ванин в одиночку сдерживал мадьяр, рвавшихся к реке. Сильный удар в левую ногу, что-то придавило и потянуло ко дну реки. Я скорее догадался, чем почувствовал, что ранен в ногу - в ступню ноги. Выплыли на берег, подаю команду на прикрытие, оставшегося на том берегу товарища. Он сделал последнюю длинную очередь по врагу и вместе с пулеметом бросился в воду... и навсегда остался в ней.

Перевязав ногу, благо ранение легкое - только в мякоть ступни, остаюсь в строю. Теперь идем - куда кривая выведет. 12 воинов, оставшихся в живых после переправы через р. Днестр. Больше недели пробирались на соединение с родным 95 пограничным отрядом, теперь именуется он 95 пограничным полком. В другое время, наверное, не смог бы выдержать такого напряжения. Пусть легко, но все-таки дважды ранен, передвигаюсь при помощи суковатой палки, обструганной перочинным ножом. Идти становится тяжело, вены на ноге вздулись от неимоверного напряжения, силы были на исходе. И какое счастье, по-моему, где-то в начале июля 1941 года, мы вливаемся в состав кавалерийского эскадрона нашего 95 пограничного полка, который был сформирован уже в ходе боев из личного состава пограничных застав, вышедших из боя и лошадей этих застав. Сколько радости. Мы теперь подразделение, и какое! Главное то, что нам оказали медицинскую помощь, сделали квалифицированную перевязку, правда, силами ветеринарной службы. Врачей еще не было.

Отходили мы как бы в арьергарде, прикрывая отход частей Красной Армии. Немцы на пути нашего отхода выбрасывали воздушные десанты, которые захватывали узлы дорог, мосты и другие важные объекты. Вот и Гусятин - старая граница, граница до сентября 1939 года. Здесь проходил второй рубеж охраны границы. Пограничные заставы обеспечивали режим в пограничной зоне. Отходим на Проскуров. Бои возникали

неожиданно, они следовали один за другим. Мы пробивались, атакуемые фашистами, измученные бессонницей, боями и стремительными маршами. Мы стремились уйти от преследования врага. Соединиться со своим полком, поэтому спешили, шли без отдыха, без передышки. Мы валились с ног от усталости, засыпали на ходу, ведя коня в поводу, кружилась голова от голода.

По пути отхода мы «грабили» магазины в оставляемых нами селах. То есть, наш командир кавалерийского эскадрона (капитан по воинскому званию, фамилии его не помню, по-моему, и не знал) был он жестокий и дерзкий человек, ехал с женой или попутчицей, скорее второе, всюду она была с ним, заходил в магазин и именем советской власти приказывал продавцам взять деньги, выручку от торговли, закрыть магазин, а продукты выдать бойцам, т.е. нам. А тут же приказывал нам: «наполнить переметные сумки». Это, видимо, было оправдано, враг наседал, и все досталось бы ему или тем, кто торговал, а мы хотели есть.

Если мне память не изменяет, это была вторая половина июля 1941 года, в составе 95 пограничного полка мы заняли места в окопах, разумеется, сначала мы их вырыли: кто с пулеметом, кто с винтовкой. Задача была одна для всех - не допустить противника в город Умань. Остановить его и уничтожить на подступах к городу. Как я теперь всё это понимаю, такую задачу нам поставили из-за незнания обстановки в районе боевых действий. Мы оказались в окопе втроем: Белик, Вакуленко и я. Кругом были поля пшеницы и других каких-то злаковых культур. Противник начал обстрел артиллерией и минометами внезапно. От разрывов снарядов и мин нас засыпало землей. Откровенно говоря, было страшно до озноба, хотелось убежать из окопа куда-нибудь подальше от смерти, но другое, что-то более сильное заставило, затаив дыхание, укрыться в окопе. Огонь нарастал по мере приближения противника. Патронов мало, ведем огонь только по команде. Противник и самоуверенный, и наглый, приставил автоматы к животу, атакует во весь рост. Бой завязался на окраине

города и в самом центре. В лоб, прямо передо мной атакуют танки. Часто и гулко бьют башенные орудия, стрекочут пулеметы, установленные на танках. Вражеская пехота, бросившаяся в атаку вслед за танками, взломала нашу оборону и овладела городом.

Танки с адским грохотом утюжили наши окопы. Бутылками с горючей смесью нам удалось подбить несколько танков. А один танк остановился на нашем окопе, развернулся на 360 градусов, засыпав нас землей, скрылся в нашем тылу. Когда танк прошел в тыл, мы еще просидели в окопе, обдумывая создавшееся положение. И уйти из окопа нельзя, и оставаться опасно потому, что как-то сразу все затихло. Ни стрельбы, ни разрывов, ни грохота, ничего. Остался один страх.

Пополз слух, что генерал Понеделин вместе со штабом армии добровольно сдался в плен немцам. Поднялась паника, люди заметались, большинство продолжало сопротивляться, некоторые кинулись бежать, попадая под огонь своих товарищей. В окопе нас трое, и дума у нас была одна - до последнего дыхания оборонять порученный участок. Мы разгромлены, в душу каждого из нас уцелевших вкрадывается неуверенность, все больше и больше появляется недоверие и к командному составу, по чьей вине мы вновь должны брести мелкими группами. Недоверие лишало нас силы и уверенности. Мы полны подозрений. Очень тяжело, но надо терпеть. Тяжко перед неизвестностью. Недоверие подогревалось жителями деревень и сел, которые мы покидали. Женщины, вынося нам пищу: хлеб, молоко, фрукты и овощи, уверяли, что Красная Армия разбита, Сталин сбежал, Ворошилов перешел к немцам. Уговаривали и убеждали нас оставаться на Украине, разойтись по домам и ожидать, пока наладится и установится новая власть, «Новый порядок».

Сколько пришлось услышать матерной ругани и проклятий в адрес нашего правительства, и особенно командного состава РККА. Это был крик души, крик отчаяния. Я разделял опасения многих, но в то же время был уверен в силах своей Родины. И

очень хотел дожить только до дня окончания войны, чтобы увидеть нашу победу, о жизни почему-то не думал.

Продолжу начатый разговор: подождали до сумерек. Решили пробиваться на Восток, к своим. Велик риск, но другого выхода нет. Где в рост, где пригнувшись, где ползком начали выбираться из окружения. Сколько ползли, трудно сказать, чтобы выйти из города Умань, а значит и из окружения надо преодолеть шоссе, и когда мы его достигли, увидели трех патрульных солдат противника. Дойдя до нас, они открыли стрельбу из автоматов. «Все», промелькнула мысль, «Мы обнаружены», но, отстреляв, они пошли дальше. Как только мы начали движение, вновь стрельба. Опять, затаив дыхание, лежим. Стрельба повторилась несколько раз. Мы поняли, вернее, догадались, что противник не видит нас, что стрельбу ведет бесцельно. Пошел дождь, это нам на руку, теперь мы пробирались увереннее. От боли и усталости темнело в глазах. Мы ползли и ползли. Какая-то сила заставляла нас ползти не останавливаясь. Добрались до сада, накоротке отдохнули, затем умылись дождевой водой, полой гимнастерок утерлись, выложили у кого что было съестного, через нательную рубаху попили мутной из канавы воды, и снова в путь.

Мы уходили на Восток. На Восток тянутся колонны, группы и небольшие группки солдат. Отходят бойцы всех родов и видов Вооруженных Сил. У них строгие, сосредоточенные лица, руки сжимают винтовки. Гимнастерки на их спинах почти белые - это от пота. Лошади тянут орудия. По дорогам тянулись подводы, редкие машины, толпы беженцев. На грузовиках и подводах раненые, и измученные солдаты. На забитых войсками и беженцами дорогах то и дело вспыхивали короткие и ожесточенные перестрелки.

При появлении самолетов вся эта масса людей бросается враспынную. Некоторые сразу падают на землю, другие, в надежде спастись, устремляются в разные стороны. Самолеты летали так низко, что казалось, вот сейчас он тебя собьет крылом, или

расстреляет в упор из пулемета. Слишком вызывающе вела себя авиация немцев.

Мы уходили на Восток, отстреливаясь. И каждый раз, когда нам предстоял отдых, уставшим, порой голодным, промокшим под дождем, приказывали делать «невозможное»: копать окопы в полный профиль, готовиться к отражению очередной атаки. Иногда не успев отрыть окопов, начинали бой.

Шли влажными черными колеями разбитой дороги, лошадей больше вели в поводу. На разбитых колеях ноги скользят, земля черная, какая-то жирная, липнет к подошвам сапог, идти тяжело, вдобавок к этому тяжелая ноша: боеприпасы, скатка, противогаз, лопата, оружие, вещевой мешок. Горло пересыхает, ноги становятся непослушными. Но мы идем. А впереди - в голове колонны, военветврач 2 ранга (фамилии я не помню), он наш командир, возглавляет кавалерийский эскадрон. Командовавший до этого капитан как-то незаметно исчез вместе с девицей, следовавшей с ним. Или его отозвали, или он сбежал, о причинах его исчезновения нас не информировали. Идти нам тяжело, а командиру и того тяжелее, он уже в годах. Но он думал не о том, что тяжело, а о том, как сохранить людей и лошадей. Теперь, когда я вспоминаю этот эпизод, считаю его характерным, потому, что в нем требовалось огромное напряжение сил для выполнения задачи. А решаемые задачи возникали всегда неожиданно. Так случилось и в районе Сватово (Украина). В разведгруппу, в которую входил и я, были подобраны хорошие ребята: Бойко Андрей, спокойный, медлительный и по-деревенски застенчивый. Земсков Николай, интеллигентный, рассудительный парень, Велик Шурик маленький, шустрый с мальчишеской улыбкой, Тимошенко Сергей всегда подтянутый, серьезный он в разведгруппе старший. До войны отслужил на границе почти 3 года, а может быть и больше. Все были молоды, горячие, отважные в бою, и верные в дружбе. Задачу разведгруппа выполняла ночью, продвигаясь по бездорожью. В ночной темноте мы различили на горизонте

несколько домов - хутор. Вглядевшись, мы увидели лучик, пробивавшийся откуда-то как из зашторенного окна, а затем слышали поскрипывание ржавых петель, кто-то вышел на крыльцо. Нас 5, старший принимает решение. До меня доходит его твердый, повелительный голос: «Бойко стань у двери, не пускать никого!» Остальные вошли в дом. В доме было полутемно, керосиновая лампа горела слабым светом. Четверо мужчин сидели на дощатой лавке у самогонного аппарата, нас приняли настороженно. Наши рассказы и расспросы оживили разговор. В избушке жарко, полыхала печка, пахло самогоном.

Прошу к столу! Хозяин дома гостеприимным жестом пригласил нас. Сиденьями служили скамейки. Расселись вокруг стола, вооружились ложками. Пили стаканами еще теплый бурячий (свекольный) самогон. На столе краюха хлеба, картошка, какая-то похлебка, лук, выпили, пошел душевный разговор, все это размягло нашу бдительность: оружие карабины, винтовки мы поставили к стене у входной двери, один Тимошенко не выпустил из рук свою СВТ, пригласили к столу и часового. Мужчина маленький, хрупкий в стеганом пиджачке, делавшим его похожим на деда Щукаря, обвел нас хитрым взглядом, как бы пересчитал нас всех веселеньких после выпитого самогона, заметно улыбнулся, и вышел в сени, чуть прикрыв за собой дверь, и когда мы набросились на еду, он протянул из-за двери руку к нашему оружию, успел взять мой карабин, который стоял крайним к двери, но унести карабина не смог. Тимошенко человек открытый, волевой, умеющий мгновенно оценивать обстановку, вскинул СВТ в боевое положение и повелительным тоном: «Поставь на место!» Как бы заставил всех остальных застыть на месте, сделаться неподвижными. Буквально в считанные секунды я оказался у двери и выхватил из рук мужчины свой карабин, а тем временем и остальные ребята разобрали свое оружие. Теперь мы были тверды и напряжены. Вот так, находясь недалеко от линии фронта, из-за самогонки, мы потеряли бдительность. Теперь,

чтобы выполнить задачу, нам нужно было довести её до высшего предела. До конечного объекта разведки оставалось 2-3 км. Темно, идем наугад. В дорожном кювете вверх колесами торчала разбитая автомашина, рядом подбитый немецкий танк. Бесшумно передвигаемся к деревне, прошли еще полкилометра, никаких признаков жизни, и вдруг блеснул свет, впереди, на окраине села разглядели автомашину, вокруг которой двигались 2 человека. Машина была до предела нагружена домашним скарбом. Что могут сделать 5 человек, находящихся тылу врага? Много если они обладают мужеством, бесстрашием, находчивостью. Мы решили отрезать путь автомашине и задержать. Двумя выстрелами уничтожили прислугу, раздали награбленное жителям, машину сожгли, действуя осмотрительно. Можно было бы машину захватить в качестве трофея, но среди нас никто не умел управлять ею.

К объекту разведки решили идти по два. Когда одна пара двигается 200-300 метров, вторая её прикрывает. Нам нужно было торопиться, и беречь силы для возможной схватки с противником. Путь-маршрут был очень трудным. Местность была изрезана, идти по дороге опасно. Впереди показалось село. Установив связь, двое направились к крайней хате. Подали сигнал, что никого не видят. Немцы оставили село, увозя с собой награбленное.

Вновь в составе кавалерийского эскадрона. Теперь мы отходим на Киев. И опять фашистские листовки, разбрасываемые немецкими самолетами, в них прямой призыв уничтожать комиссаров и чекистов, бросать оружие и переходить к немцам, где будет обеспечена сытая жизнь. Затем появились листовки угрожающие: «Днепр не граница, Киев не столица, сдавайтесь, все равно разобьём». Это не дословно, но примерно содержание их было таково. В листовках говорилось о поражении Красной Армии, они призывали переходить на сторону немецкой армии. Продвигаясь в тыл страны, наши части расчленили, раскалывали вражеские колонны, отбиваясь от них и, маневрируя отходили.

Война продолжалась, фашистские солдаты жгут жилища мирных жителей, расстреливают пленных, и окружают колючей проволокой контррационны лагеря. Разбитые здания, детские тетради и школьные учебники среди развалин. Висящие крыши, висящие на арматуре балконы, искалеченные осколками деревья. Бредущие среди развалин женщины и дети. Мы видели всё это во время войны. Но ни насилия, ни пули не могли сломить нашего сопротивления.

Конец июля - начало августа 1941 года наш маршрут лежит на Белую Церковь. О противнике и наших войсках никаких сведений нет. Чтобы добыть данные, наше кавалерийское отделение (12 человек) послали в разведку. Мы совершили 50 км. марш. Задача во чтобы то ни стало установить связь с нашими войсками, узнать где и что они делают: обороняются, отходят, атакуют? Подошли к Белой Церкви уже ночью. Как пройти в город? Впереди река, мост под охраной, искать брод? Много уйдет времени, да и не безопасно. Решение созрело идти к мосту, передвигались бесшумно, чтобы не нарушать тишины на морды лошадей надели торбы, копыта обмотали тряпками, примерно в километре лошадей оставили в ложине, покрытой кустарником, а сами: где в рост, где пригнувшись, а где и ползком стали пробираться к объекту разведки. Поднялись на небольшую возвышенность, установили время смены наряда на мосту. Метр за метром приближаемся к реке. Противник (часовые) открыли огонь. Мы внимание свое направили за его действиями, и в очередной раз, когда противник открыл огонь, мы всего двумя выстрелами сняли охрану. Вышли на окраину города, ни огонька, ни звука, а где-то близко артиллерийские раскаты, вдруг я отчетливо заметил долговязого фашиста, который стремился к дому - шел мне навстречу. Как бы замер в оцепенении схватки, податься вперед, чтобы уложить фашиста (по званию ефрейтор) на землю, нет сил, и уступить хоть на шаг губительно. Руками сцепились, раздираем друг другу одежду, лицо, не замечая боли...и

оба молчим. Я, дело понятное, но почему немец молчал? И вдруг оглушительный удар прикладом по голове, немец валится на землю, издавая судорожное дыхание, его прикончил Боря Сенькин. Все стало ясным: наших войск в городе нет, они отходят в тыл страны. В городе только немцы, с рассветом они начнут действовать. Надо уходить и нам.

Идем на Киев, и вдруг по непонятным для нас причинам - перед нами город Черкассы. В ходе всего марша рев моторов над головой, дороги забиты беженцами. До того измотал меня этот переход, что как только была подана команда «Привал», упал на землю камнем, и заснул мгновенно. Вокруг громыhalo, разрывались бомбы, дрожала земля, а мне казалось, что это сон. Я спал, во сне слышал гул бомбардировщиков, стрекотню пулеметов, крики и плач людей, грохот зениток, но проснуться не мог. А когда проснулся - вокруг груды развалин, тела убитых и раненых. На мой глупый вопрос «Что было?» - недоумение. До моего сознания дошел какой-то страшный смысл, что-то ударило в голову. Ведь можно было погибнуть бесцельно.

Такая она была война в первый период её начала. В Черкассах перешли Днепр, и пошли на Нежин, с Нежина на Юго-Восток - на Полтаву, Изюм. С Изюма вновь на Северо-Запад - Балаклея, Змиев, Харьков. Мы едва успевали закрепиться, оборудовать ячейки, как немцы обрушивали на нас огонь артиллерии и авиации. Каждый новый день мог оказаться и последним. Гитлеровцы рвались вперед с танками, артиллерией, самолетами. Пускали в ход свое излюбленное оружие - провокацию. Они стряпали листовку за листовкой и разбрасывали их по пути отхода Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) и в других, не менее важных районах Украины и Белоруссии, предлагая прекратить сопротивление. Каждый день с рассвета и до темна проклятые желтые их кресты хозяйничали в небе. Истребители, окончательно обнаглев, носились над самыми головами, гонялись за отдельными солдатами.

10 октября 1941 года по приказу Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина на войска НКВД, в том числе и на пограничные войска, с выводом их из боя, возлагалась задача по обезвреживанию тыла действующих армий и фронтов от вражеских лазутчиков и по борьбе с дезертирством.

С первых дней войны в тыл наших фронтов противник засылал диверсантов, агентов, распространителей ложных слухов, террористов и прочих наёмников, как из числа самих немцев, так и из завербованных изменников граждан СССР. Поэтому было принято решение о создании специальных подразделений, которые должны были поддерживать порядок в прифронтовой полосе. Так был сформирован 17 Краснознаменный пограничный полк НКВД по охране тыла Брянского фронта. В его состав вошли пограничники с довоенным стажем службы на границе, отличавшиеся хорошей выучкой и дисциплиной. Многие из них закалились и возмужали в первых боях с фашизмом. В этот полк влился и наш кавалерийский эскадрон 95 пограничного полка, который был основательно разбит в боях под городом Умань. И теперь в городе Дебальцево проходило его формирование заново, а кавалерийский эскадрон, как наиболее боеспособная единица, передавался 17 Краснознаменному, Брестскому пограничному полку под Харьковом. В городе Купянске нас погрузили вместе с лошадьми в товарные вагоны, и эшеленом направили на Брянский фронт. Нас ждали новые задачи. Я не могу назвать точную дату прибытия на Брянский фронт, но это был конец октября, начало ноября 1941 года, когда нас выгрузили на станции г. Ливны. Здесь я был избран секретарем комсомольского бюро комсомольской организации 17 пограничного полка.

Гитлеровцы, засылая в прифронтовые районы тысячи шпионов, распространителей ложных слухов, диверсантов, парашютистов пытались нарушить нормальную работу нашего тыла, посеять неуверенность и панику в войсках, деморализовать волю неустойчивой части воинов, принудить их к дезертирству.

Фашистские шпионы маскировались в форму военнослужащих Красной Армии. Для их разоблачения от нас требовалось умение распознавать врага. Этому мы учились в ходе службы.

Накануне нового, 1942 года, нам была поставлена задача - очистить город Елец от фашистской агентуры и всевозможных лазутчиков. Во всех заставах были проведены партийные и комсомольские собрания, на которых обсудили предстоящие задачи. Я провел совещание секретарей комсомольских организаций застав, проходило это в лесу, под открытым небом.

Наш 17 краснознаменный пограничный полк пополнился молодыми, и после излечения солдатами. Новички не только были не обстреляны, но и не знали тонкости службы. К тому же для нас тоже работа была не так уж знакома. Нужно было учиться самим и учить новичков, и, кроме того, учить их военному делу, морально подготовить к боевому испытанию. Сознание важности стоящей задачи удесятерило бдительность воинов-пограничников, воодушевляло на подвиги.

В городе Ельце при организации операции по вылавливанию шпионов и диверсантов группа пограничников получала 1-2 объекта (дома) с целью проверки документов. Такое задание имела и моя группа. Город как бы вымер, светомаскировка соблюдалась строжайше. Медленно обходили улицу за улицей, заглядывали во все дворы, в квартиры. Мы вошли в одну из квартир: за столом, накрытым по-праздничному, это было во фронтовой полосе, сидели четыре офицера при полном вооружении и четыре миловидные женщины, как мне показалось все они были готовы к немедленным действиям. Нас вошло двое, со мной еще Коркюшин, один новичок, остался у входа в дом. Офицеры были в разных званиях: один майор, очень подвижный, быстрый, одетый в полевую форму, револьвер на боку, быстро поднялся, тоном, не требующим возражений, заявил: «Мы командиры, назвал воинскую часть, документы у нас в порядке, товарищи

пограничники вы свободны». В действиях его чувствовалось напряжение, какое-то заостренное внимание. Я четко произнес «оперативный патруль, прошу предъявить документы». Проверив документы, и вернув владельцам, произнес извинения за вторжение. Оценив обстановку, мы вышли, оставив у подъезда и у окон квартиры наряд с задачей никого не выпускать, уж очень интеллигентными и чистыми показались мне офицеры и их подруги. Доложил по команде, и уже усиленным нарядом они были задержаны. Это были агенты, они вели сбор информации, вели враждебную агитацию, распространяли провокационные слухи. Вот так впервые в жизни, в новых условиях пришлось столкнуться с вражескими лазутчиками.

При получении очередного задания младший лейтенант Макагон В. нас информировал, что в городе Ливны каждую ночь работает приёмо-передатчик. Было приказано прочесать город и найти агента, работающего в эфире. Прочесали каждый дом, сарай, надворные постройки, ничего не обнаружили.

Командир отделения, младший сержант, звали его Саша, фамилии я его не помню, как-то заметил женщину, слишком навязчиво предлагавшую себя офицерам, часто появлялась в расположении воинских частей, она показалась подозрительной. Установили за ней наблюдение, определили дом, в котором она жила, а когда заработал передатчик, мы ворвались к ней в дом. Она лежала в постели, обыск ничего не дал, мы попросили её сойти с постели. Она показала на свой вид, дескать, я женщина, и к тому раздета, не могу же в таком виде предстать перед мужчинами. При встряхивании пуховой подушки извлекли шифр и передатчик.

Каждая операция готовилась и проводилась тайно. Все время нахождения на Брянском фронте я пребывал в обстановке такого нагромождения тайн, что никакая новая тайна никого не удивляла. Всякую тайну я воспринимал как должное в цепи последующих событий. В один из дней дежурил на

железнодорожной станции, там крутился пожилой человек с бородой и в темных очках, играл на гармошке, прося подаяния. Но играл он только тогда, когда проходили воинские эшелоны. Я в этом увидел что-то неладное. При задержании у него оказалась радиостанция, вмонтированная в гармонь. Нажатием клавишей он передавал позывные.

Нам было приказано разыскать вражеского лазутчика, который в нашем тылу ежедневно, в ночное время, из сигнального пистолета-ракетницы передавал сигнал немецким самолетам и артиллерии - наводил их на цель.

Мы разыскивали и задерживали дезертиров и многое, многое другое. Одним словом, с октября 1941 года по июль 1942 года, не зная ни сна, ни отдыха, днем и ночью вместе со своими товарищами-пограничниками вылавливал шпионов, диверсантов и прочее охвостье фашистов.

В конце 1941 года, когда Красная Армия испытывала острейшую потребность в командном составе, особенно среднего звена ЦК ВКП(б), СНК (Совет народных комиссаров), Верховное главнокомандование организуют трех- и шестимесячные курсы подготовки командиров взводов и рот. Получив необходимые знания, молодые командиры отправлялись в подразделения и части действующих армий.

В августе 1942 года с Брянского фронта я с товарищем по оружию, сержантом Краснослободцевым, был тоже направлен на шестимесячные курсы лейтенантов. По окончании трехмесячных курсов присваивалось звание младший лейтенант. В то время их называли «ускоренные лейтенанты». Чтобы прибыть на курсы в город Орджоникидзе, нам нужно было совершить маневр: от Брянска на перекладных в Москву, с Москвы до Астрахани - на товарных и пассажирских поездах, от Астрахани до Махачкалы - на военном корабле.

Говорят, мир тесен. Действительно так. Ожидая посадки на военный корабль в зале морского вокзала, совершенно случайно

встретился с товарищем детства Колей Николаевым - Николаем Николаевичем Николаевым. Он вместе с родителями и сестрой жил в нашем доме - снимали квартиру (комнату). Мы, будучи почти одногодками, подружились. Окончив накануне войны 10 классов, он поступил в Ленинградское военно-морское училище, и вот в августе 1942 года я его встретил в звании лейтенанта, он идет тем же кораблем, что и я, с той лишь разницей, что у меня палуба, у него - каюта на двоих, он берет меня к себе в каюту. В его тесной каюте я питался из его запасов весь путь от Астрахани до Махачкала (своих запасов питания у меня конечно нет). Он молодой лейтенант с открытым симпатичным лицом, был со мной на равных, вежлив и предупредителен. Объяснялись мы с ним и его товарищем по каюте без затруднений. Все было хорошо, но, к сожалению, я трудно переносил морскую болезнь, не выходил из каюты, подкошенный ею, качка валила с ног. Уже вечером, без всякой надежды на лучший исход, «травил», выходя на переполненную людьми палубу, на которой стояла мертвая тишина.

Помню, под мигающий фитилёк в снарядной гильзе, он читал мне свои стихи. Расстались с ним в Махачкале, и больше ни разу мы с ним не виделись.

С Брянского фронта, по дороге в Орджоникидзевское военное училище, заехал домой. Захотелось побывать дома, в котором немало пережито. Меня, конечно, не ждали: в 1941 году пришла похоронка - в июле, а в августе - пропал без вести. Вот так по трагическому стечению обстоятельств, меня живого человека, отнесли в число невозвратимых потерь. Кто-то подобрал мой, утерянный мною же, смертельный медальон. И так, я прибыл домой, когда мои родители получили по почте извещение о том, что их сын пал смертью храбрых в боях за Родину. По лицу матери катились тяжелые горькие слёзы. От пережитого горя на лице её обозначились морщины. Увидев меня, она зарыдала, я не выдержал, тоже заплакал. Но теперь глаза матери были полны

радости. Однако радость была недолгой. Шла война, порядки были строгие, и к тому же мне нужно было быть в Орджоникидзе вместе с товарищами, которые ждали меня в Москве. Да родители сами понимали, что я заехал домой самовольно, и они были очевидцами того как моих односельчан, позволивших себе долгое пребывание дома, признали дезертирами, водили под конвоем по задворкам деревни, а затем расстреляли. Правда документы мои были достоверны и не просрочены.

Деревня Устиново - родина моя. Её я не забывал ни на войне, ни в последние годы моей жизни, помню и сейчас. И каждый раз, когда я приезжал в с. Ново-Петровское к сестре Нине, я всегда шел в свою деревню, проходил по ней из конца в конец. Мне составляло удовольствие повидать ровесников, односельчан. Поговорить с теми, кто в 1941 году уходил на войну. Теперь все изменилось, и деревня, и люди, и отношения. Да и никого уже и не осталось из моих сверстников, счастливо прошедших войну. Много позабыто, Но все же на родину тянет. Родное Подмосковье снится мне каждый день. Не знаю, удастся ли мне вернуться на Родину? Бюрократический чиновничий аппарат в обход всех законов сделал Москву и Подмосковье привилегированной зоной, въезд в которую свободен дельцам, проходимцам, лицам, обладающим знакомствами, связями и большими деньгами. Честному человеку пробиться трудно.

По прибытии в город Орджоникидзе нас расформировали по ротам, батальонам. Я был зачислен в 1-е отделение, 1-го взвода, 1-го батальона - пограничного. Остальные батальоны были внутренних войск НКВД (промышленных, конвойных и железнодорожных войск), хотя программа обучения была для всех одна. Выдали нам все новое: гимнастерку и брюки - шерстяные, фуражку, яловые сапоги. Это было потрясюще т. к. большинство из нас прибыли в училище в обмотках и довольно потрепанном хлопчатобумажном обмундировании. Присвоили нам всем звание «Курсант».

Занятия начались, но вот когда? Даты не помню, а продолжались они всего несколько дней. Угрожающая обстановка нависла над Сталинградом и Северным Кавказом. Немцы рвались на Кавказ. Надо было остановить, и не допустить врага к нефтяным богатствам - Грозненской нефти.

В августе 1942 года для непосредственной обороны города Орджоникидзе и Военно-Грузинской дороги была сформирована Орджоникидзевская дивизия НКВД под командованием генерал-майора В.И. Кисилева. В состав дивизии вошли три стрелковых полка, Краснознаменный пограничный полк и особый полк, сформированный из курсантов и выпускников-лейтенантов Орджоникидзевского военного училища войск НКВД им. С.М.Кирова. Позднее были сформированы и другие подразделения. В их составе также было немало жителей города.

С августа по октябрь 1942 года части дивизии при активной помощи со стороны местного населения построили много оборонительных сооружений, как в самой столице Северной Осетии, так и на ближайших подступах к ней и по Военно-Грузинской дороге. На площадях города строились ДОТы, на улицах устанавливались металлические противотанковые ежи, в подвалах домов, на перекрестках улиц оборудовались огневые точки с амбразурами в фундаментах. Вокруг города был отрыт противотанковый ров, построены ДЗОТы, установлены проволочные заграждения, минные поля.

Мы, еще не успевшие привыкнуть к новому воинскому званию курсант, и те, кто перед нами получил воинское звание лейтенант, и не успел получить назначения, были зачислены в роты и батальоны Особого полка Орджоникидзевской дивизии рядовыми и сержантами, а кому повезло - на офицерские должности. Выдали нам лопаты, ломы, кирки-мотыги с сучковатыми, не оструганными ручками, и вывели на строительство оборонительных сооружений: рыли противотанковые рвы, эскарпы, контрэскарпы. Норма 10

кубических метров земли в день на человека. Два метра - в ширину, три - в глубину. Эту землю выбросить наверх. На ладонях и пальцах пузырьки, надувались мозоли. Работа изнурительная на протяжении почти двух месяцев. Мозоли лопались, превращались в кровавые подтеки. Не выполнив норму - не уйдешь. Враг на подступах. Спали и принимали пищу прямо в траншеях. И опять ломали, лопатами, кирками долбили землю. Работали не покладая рук. Задание выполняли все. Работали. Строили оборонительные сооружения на берегах рек Терек, Баксон и в самом городе. На дальних подступах к Закавказью наши войска наносили противнику удары. Части Красной Армии, ведя сдерживающие бои, выигрывали время для создания сплошной обороны и снабжения подразделений и частей необходимым вооружением, боеприпасами и техникой.

Город подвергался сильным бомбардировкам с воздуха. В небе зависает «Рама» - так окрестили немецкий самолет-разведчик «Фокер-Вульф», после чего появляются «Мессершмиты», затем бомбардировщики начинали бомбить город и прилегающую местность. Услышав приближающийся тупой, мертвящий гул «юнкерсов», мы молниеносно укрывались.

Невозможно описать все героические подвиги, совершенные нашими пограничниками Особого полка Орджоникидзевской дивизии в боях за Северный Кавказ. Все мы были заражены ненавистью к фашистам и верили, что мы именно та сила, которая должна остановить врага и не позволить ему овладеть Кавказом, и эта вера восторжествовала.

К 1 ноября 1942 года фашистские войска, прорвав линию нашей обороны, вышли к внешнему обводу Орджоникидзевского оборонительного района. 2 ноября немцы захватили село Гизель, создав непосредственную угрозу захвата города Орджоникидзе и Военно-Грузинской дороги.

В течение четырех суток части Орджоникидзевской дивизии совместно с другими частями наших войск вели упорные

оборонительные бои, отражали атаки гитлеровцев, стремившихся ворваться в город Орджоникидзе. И враг был остановлен в полутора-двух километрах от его окраины. Вышел он и в город - к детской больнице. Мы обороняли медицинский институт. При очередном налете фашистской авиации, произошло прямое попадание бомбы в наш окоп, по сторонам от меня лежали трупы, человеческие внутренности. Земля сотрясалась от артиллерийской канонады. Боль, перенесенная потерей товарищей, обжигала меня. Видел страшные сцены. Люди стонали, ворочались, лоя распахнутым ртом воздух, кричали до слез, до судорог в груди. Вот в таких невероятных условиях - под дождем, под дробный перестук пулеметов, под ухающий взрыв мин и снарядов мы выпускали «Боевой листок». Политработники и партийная организация своей работой обеспечивали политикоморальное состояние и выполнение поставленной задачи. Основными формами партийно-политической работы перед боем являлись: митинги, политические информации, групповые и индивидуальные беседы с личным составом, инструктажи коммунистов и комсомольцев об их роли и задачах в бою, и если позволяла обстановка, общие собрания солдат и собрания партийной и комсомольской организаций.

В моей памяти сохранился многотысячный антифашистский митинг в городе Орджоникидзе народов Северной Осетии и воинов Северо-Кавказского фронта, который состоялся накануне битвы за Кавказ в 1942 году, на котором с пламенной речью выступил один американский генерал и представители общественности. Священной клятвой тогда прозвучали слова воинов, отстоять Северный Кавказ, превратить подступы к Кавказу в неприступные рубежи.

Я был среди тысячи агитаторов-коммунистов, комсомольцев, которые разъясняли воинам решения партии и правительства, обстановку на фронтах, конкретные задачи своего полка, батальона, роты.

6 ноября 1942 года части 10 и 11 гвардейских корпусов нанесли контрудар во фланг Гизельской группировке противника, что создало благоприятные условия для действий войск Орджоникидзевского оборонительного района. В этот же день, вернее вечером, перед воинами Особого полка выступил его начальник политотдела полковник Пробер, который сказал: «...завтра 7 ноября вся наша страна будет отмечать 25-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции. В ознаменование этого праздника нам приказано взять город Гизель». Тогда я особенно глубоко ощутил великую гордость за свою социалистическую Родину, и за то, что я её сын!

7 ноября 1942 года - в воскресенье, после короткого артиллерийского налета части Орджоникидзевской дивизии от обороны перешли в наступление и погнали противника от города. Мы, охваченные высоким наступательным порывом, неудержимо двинулись к вражеским позициям. Враг упорно сопротивлялся, переходил в контратаки. Вражеская артиллерия била по нашим боевым порядкам. Вздрагивала земля, но наши воины, войска дивизии НКВД настойчиво продвигались вперед. Наш Особый полк нанес противнику сильный удар и отбросил его от с. Гизель. За передним краем обороны стояли обгоревшие фашистские танки, исковерканные орудия, машины.

Город Орджоникидзе мужественно защитили, солдаты, сержанты, офицеры, ополченцы, партизаны, жители города. А враг в это время трубил на весь мир, что он двигался по Кавказу, не встречая сопротивления. Мне, тогда молодому пограничнику, выпала доля первому встретить войну на границе, познать горечь отступления, а теперь и радость победы.

В боях за город Орджоникидзе бойцы, сержанты и офицеры дивизии показали образцы героизма и отваги, за что более 300 человек были награждены орденами и медалями. С 3 по 6 ноября на территории, захваченной противником, свой ДОТ обороняли четыре пограничника: Федор Алтунин, Георгий Лихеев, Павел

Куприянов и Иван Величко. За героизм и мужество они были награждены орденами Ленина. 8 ноября заслонил собой своего комиссара зам.политрука Особого полка Аркадий Климашевский.

Оценивая значение разгрома гитлеровцев у стен столицы Северной Осетии, Маршал Советского Союза А.А.Гречко писал: «С разгромом немецко-фашистских войск на подступах к Орджоникидзе провалилась последняя попытка гитлеровцев прорваться к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам, а также в Закавказье».

После разгрома немцев на Северном Кавказе наш Особый полк направили в Геленджик, где началась подготовка десанта солдат-пограничников для действий на «Малой земле». Я тогда был командиром 45-мм противотанкового орудия.

Уже будучи слушателем Военного института КГБ (с 1954 по 1958 гг.), я узнал, что в период подготовки десанта на «Малую землю» т.е. - Новороссийск было два Геленджика: настоящий и ложный. Я волею судьбы оказался в настоящем. Готовились к действиям долго и настойчиво. Мы готовы были идти на Новороссийск. Но оперативная и боевая обстановка, как сейчас стало известно, так распорядилась, что демонстративный отряд, который действовал из фальшивого Гелинджика, стал основным, и на его плечи легла вся тяжесть по захвату и расширению плацдарма. Наш курсантский отряд (полк) вывели из боя, и вновь посадили за парты. Но учеба была недолгой.

В период боев за город Орджоникидзе на горных участках действовали альпийские части гитлеровцев. Они были хорошо укомплектованы горной техникой, приспособлениями для действий в горах. После разгрома немцев на Северном Кавказе, в районе Эльбруса немецкие офицеры возглавили бандитские формирования для действий в тылу наших, советских войск.

В марте 1943 года специально сформированный отряд из личного состава Орджоникидзевского училища НКВД, был брошен на проведение крупномасштабной операции с целью

ликвидации бандитского формирования, укрывшегося в районе золотого прииска Мушта - в отрогах Эльбруса. Нас спешно подняли по тревоге и форсированным маршем: Орджоникидзе, Пятигорск, Кисловодск вывели в район сосредоточения.

Бандитов немцы вооружили до зубов автоматами, винтовками, ядовитой злобой к стране советов. Они укрывались в труднодоступных районах, и возглавлялись немецкими офицерами. Район Эльбруса превратили в свою вотчину, все доступы прикрыли огнем, был пристрелян каждый камень, каждый ориентир, они терроризировали местное население, и через своих представителей получали информацию. У бандитов в селах были родственники и пособники.

Руководство проводимой операцией пыталось воздействовать на бандитов через их семьи. Вскоре один из жителей был направлен в стан бандитов с предложением переговорить о сдаче. Эта ночь для нас была напряженная. Мы в засаде ротой. Командир роты младший лейтенант М.Коломийцев. В горах холодно, снег, ночь пошла на убыль, потянуло прохладой. Ждем, вот-вот завяжется бой. Как объяснил нам ротный «Здесь будет мясорубка». На душе, как говорят, кошки скребут. Бодрствуют все. Рота - одно целое, как один человек, но боя нет. Бандиты предупреждены родственниками.

На второй день, может быть на третий-четвертый, значения это не имеет, ставится задача. Действуя в разведывательной группе, установить местоположение бандитского формирования. Командир разведывательной группы - командир нашего 1-го взвода лейтенант Шутин. В разведке двигались под прикрытием дозорных. Тщательно осматривали прилегающую к маршруту, местность и местные предметы. А когда вышли к подножию Эльбруса, то после многокилометрового перехода, забыв про всякую бдительность, расположились на отдых, благо солнце ярко светило и ласкала зеленая трава на фоне белого снега. Травили анекдоты, конечного рубежа разведка достигла, противник не

обнаружен, что придало нам беспечности. А бандиты тем временем спешили расправиться с нами.

Лейтенант Шутин после короткого, беспечного отдыха, как-то спохватился, придирчиво осмотрелся. Проинструктировал и выслал три разведдозора в три направления.

Я возглавил левую группу (дозор). Удалившись от ядра разведгруппы (взвода) на 150-200 метров, мы обнаружили свежее конское кало, от которого исходил еще пар. В это же время началась стрельба, это центральный разведдозор вышел на бандитов. Я подал сигнал «Вижу противника». Приняв сигнал от командира, я отвел свой дозор к ядру взвода. Наша беспечность привела к тому, что бандиты уже почти окружили нас, им не хватило нескольких минут, чтобы разделаться с нами. Оставался свободным только открытый, ничем не защищенный путь по южным отрогам хребта. Центральный разведдозор, возглавляемый старшим сержантом Скорик, первым наткнулся на противника, и был полностью уничтожен. Скорику пуля пробила орден Красной звезды и прошла его партийный билет. Остальные два РД отошли с одинаковыми сведениями. Лейтенант Шутин подал команду взводу (взвод 50 чел.) на отход под прикрытием двух ручных пулеметов. Но не указал порядок и очередность отхода, что привело к неорганизованности отхода: часть взвода отходила по южным, а часть - по северным скатам хребта. В итоге отходившие по южным скатам были окружены численно превосходящим противником, к тому же хорошо знающим местность, и погибли в неравном бою. Отходившие по северным скатам, с этой группой отходил и я, были более удачливыми, что ли. Отходили от одного рубежа к другому под прикрытием огня винтовок и пулемета. Случилось так, что пулеметчик, который должен был прикрывать наш отход, убежал первым, заявив, что у него неисправный пулемет. Лейтенант Шутин приказал мне догнать пулеметчика Ануфриенко, и отобрав пулемет огнем прикрыть отход. В порыве гнева на трусость товарища я ринулся за ним, не обращая

внимания на стрельбу. Рядом оказался Хлебников с противотанковым ружьем, который скомандовал мне «... ложись!» И тут же из ущелья застрочил немецкий пулемет. Пули свинцовым градом ложились во круг меня. И все-таки пулемет у Ануфриенко был исправный, не стрелял он из-за перекоса патрона. Вместе с ним устранили неисправность, Ануфриенко уже вышел из состояния нервного шока, застрочил из пулемета по противнику, а Хлебников по ущелью открыл огонь из ручного противотанкового ружья.

Из зоны активных действий бандитского формирования мы вышли в половинном составе. К исходу дня пришло подкрепление, и уже наступала темнота. Вынос убитых, а, наверное, были и раненые, никто не организовал. А когда на второй день прибывшие свежие силы вышли к месту боевых действий, и приняли меры розыска не вернувшихся из боя, то были найдены истерзанные и изуродованные трупы наших товарищей. С них было снято все, вплоть до нательного белья. Оружие, ордена и медали, документы убитых наших товарищей остались у бандитов.

При выходе на рубеж, на котором нам предстояло провести бессонную ночь, после грандиозного ротозейства, нас вновь обстреляли бандиты. Но для меня и на этот раз обошлось все благополучно. Ранен в живот мой товарищ Толя Иванов. Подползти к нему для оказания помощи никакой возможности. На малейшее движение бандиты открывают прицельный огонь, довольно высокой плотности. Я переваливаюсь через хребет, занимаю удобную позицию, веду прицельный огонь, давая возможность Толе Иванову выкарабкаться из зоны огня. Другой помощи я оказать не могу. Сколько нужно было мужества, чтобы, преодолевая нестерпимую боль, выползти в безопасное место. Где он получил необходимую (не медицинскую) помощь, и в сопровождении товарища по оружию был эвакуирован в район дислокации наших основных сил.

Почему бандиты не предприняли против нас активных

действий? Наверное, потому что посланные в их стан, нашим руководством, парламентары-родственники предупредили их о численности наших войск. И встретив наш взвод численностью 50 человек, они могли предположить, что где-то наши основные силы. Иначе чем объяснить пассивность противника, ведь мы были по отношению противника в самых невыгодных условиях: на открытой местности, на незнакомой местности и малочисленны. Не предпринял активных действий противник и на второй день, он даже не обнаружил себя и когда мы собирали трупы погибших товарищей. Этот вопрос остается для меня загадкой до сегодняшнего дня.

Причина гибели товарищей? На мой взгляд, основной причиной гибели курсантов-пограничников Орджоникидзевского военного училища войск НКВД им. С.М.Кирова, в той операции, кроется в растерянности командира разведгруппы, лейтенанта Шутина, в его нераспорядительности и, наверное, еще и в его неопытности (он только что окончил шестимесячные курсы лейтенантов), а главное - это притупление бдительности, у нас всех уже прошедших школу войны. Но этот горький урок и научил многому. Мы твердо усвоили, что в борьбе с бандой особое значение имеет организованность, четкое взаимодействие и безукоризненное исполнение приказов.

Несмотря на все наши усилия, операция по ликвидации банды не удалась, и была далека от её завершения. Банды засели далеко в горах и уничтожить их только огнём стрелкового оружия было невозможно. Я не знаю подробности ликвидации банды, позже узнал, что завершили её уничтожение минометные и горно-альпийские подразделения, оснащенные специальным приспособлением для ведения боевых действий в горах. Наше училище такого приспособления не имело, и поэтому не было подготовлено для действий в горах. Нам предстояло, после многодневного перехода, вернуться к учебе.

Будучи курсантом Орджоникидзевского военного училища,

не переставал заниматься общественной работой: был избран секретарем комсомольской организации роты. В марте 1943 года стал кандидатом в члены ВКП(б).

Принимал участие и в художественной самодеятельности училища. В день юбилея училища мы ставили одноактную пьесу «Граб Армия». Автора не помню, но в этой пьесе я играл заглавную роль - ефрейтора Бориса Фукса. Присутствовавший на вечере режиссер Северо-Осетинского русского драматического театра пригласил меня и еще нескольких курсантов, по моему усмотрению, в театр чтобы сыграть статистами роли в пьесе Корнейчука «В степях Украины». Можно было отказаться, сославшись на уплотненный курс учебы, на занятость учебой и общественной работой, но это лишало бы возможности свободного выхода в город и общения с интересными людьми - артистами театра.

Вместо ускоренных шестимесячных курсов - два года учебы вперемежку с боями. Начав учиться в августе 1942 года, закончил в августе 1944 года. Прикрепили к погонам одну маленькую звездочку - дали звание младший лейтенант. Не одному мне, а всем. Это случилось потому, что в июне 1943 года, в связи с введением погон в Советской Армии, вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении первичного офицерского звания младший лейтенант. Выло, конечно, обидно, так как до этого даже при окончании шестимесячных, ускоренных курсов присваивали лейтенанта. Но жизнь есть жизнь, училище закончено, я получил направление в глубокий тыл - в город Иркутск. Чем это было вызвано?

На выпуск приехал сам начальник пограничных войск СССР генерал Соколов, который объявил собравшимся пограничникам буквально следующее: «...война пока продолжается, граница не имеет потребности в офицерских кадрах. Большая потребность в них в данный момент имеется во внутренних войсках НКВД», и до окончания войны нас, выпускников-пограничников направляют в

конвойные войска.

Сколько было сложностей, чтобы добраться до Иркутска. При каждой пересадке надо было пройти дезинфекцию, обязательно помыться в бане, иначе билета не получишь, и все равно ехали грязные, вшивые и полуголодные. В пассажирские вагоны набивалось людей до предела, купейных, плацкартных вагонов практически не было - только общие и к тому же грязные, неуютные. Постельное бельё не выдавалось, и видимо его вообще не было, освещение вагона посредством фонаря летучая мышь, купе - при помощи восковой свечки и то не постоянно, не хватало их. Полка для лежания была сплошной, на неё вмещалось 4-5 человек, в зависимости от их габаритов. Одним словом - все как на войне, правда, вагоны были довоенные. Питание для военнослужащих - только через военные продовольственные пункты, давали в основном селедку и хлеб, паек скудный, а купить что-либо на вокзалах и привокзальных базарах нельзя т.к. ничего не продавалось.

Путь из Орджоникидзе в Иркутск лежал через Москву, Мне представилась возможность второй раз за время войны побывать дома - ровно через два года после первого посещения. Август 1944 года положение на фронте складывалось в пользу Советской Армии. Люди ждали конца войны, настроение тоже боевое, приподнятое. Отец по-прежнему председатель колхоза, сестра Нина и брат Боря работали и обрабатывали огород - участок земли около дома, жили не голодно. Встретили меня и моего товарища Юру Козлова с радостью. Был дома всего два дня, на большее не располагал временем. Родители снабдили нас продуктами, и мы двинулись к новому месту службы - город Иркутск. По дороге мы с Юрой подружились. В училище друг друга не знали: я учился в пограничном батальоне, а Юра - в конвойном. Но договорись - служить в одном полку. По распределению мы должны были остаться в Иркутске. Но в связи с заездом домой, да и трудностью с билетами в Москве, мы в Иркутск прибыли с опозданием.

Раньше нас прибыли Саша Сальников и Ваня Андаев, они-то и остались в Иркутске. Нам предложили должности командиров взводов в 143 отдельном конвойном батальоне города Красноярск.

Прав был генерал Соколов - эти войска действительно нуждались в подготовленных офицерах. В этих войсках почти не было кадровых командиров. В основном служили те, кто состоял в запасе, солдаты, сержанты или великовозрастные - старше 40 лет, или после ранений, контузий из госпиталей, но еще не получивших инвалидность, и до предела разболтанные. Много нужно было приложить сил и ума, чтобы сделать вверенный мне взвод более менее воинским подразделением. Нужно еще учесть и то обстоятельство, что я попал в войска другого назначения и мне нужно было потратить много энергии, чтобы овладеть новым профилем работы и со знанием дела учить своих подчиненных. Помню казусный случай: меня назначили заместителем начальника конвоя по оперативной части. Предстояло конвоировать большую группу заключенных на пароходе «Мария Ульянова» по реке Енисей, в порт Дудинка. Заключенные были мужчины и женщины, примерно в равной части. Для их размещения был выделен один трюм. В конвое я впервые: о своих служебных обязанностях знаю только то, что прочитал в инструкции и почерпнул на инструктаже, практическую сторону дела представляю весьма смутно. Во всем полагаюсь на своих помощников - сержантов, они опытные конвойники. И все-таки ошибок не избежал. В Красноярской пересыльной тюрьме, когда брали под охрану заключенных, я к ним обратился со словами «Товарищи...» и далее как надобно им вести себя при следовании к месту посадки на корабль, на корабле и прочая. Они были заключенные, стало быть и не товарищи, а «граждане». При размещении их в трюме парохода я догадался расположить в одной половине трюма мужчин, в другой - женщин, перегородив одеялами, подвешенными на натянутой веревке. Поставить охрану между этими двумя половинами мне и в голову не пришло, а это

все привело к повальному и необузданному сексу. Человеческая похоть удовлетворялась скотски. Что бы устранить ничем не прикрытый разврат мы применяли самые различные приёмы: растаскивали их по своим местам, надевали наручники и мужчинам, и женщинам... Не помогало. Инициаторами удовлетворения своих желаний были женщины, которые сами переползали и перебегали на половину мужчин. Неимоверными усилиями порядок был наведен, внутри, по линии разделения трюма был выставлен безоружный наряд. И еще: ко мне напрашивалась женщина-заключенная помыть каюту, просьбу которой я отверг, поняв её желание по-своему. Тогда она обратилась по этому поводу к одному из сержантов, который и привел её ко мне, последняя сообщила, что за ликвидацию секса заключенные проиграли меня в карты, указав конкретное лицо, которому надлежало привести приговор в исполнение. Этому уголовнику пришлось дальнейший путь следовать в наручниках.

Как я был благодарен той женщине. Жаль, что я не мог ничем ей помочь. Сдал в порту Дудинка со всеми заключенными. Помогли ли ей там? Сомневаюсь. Уж слишком люди жестокие работали в лагерях и колониях.

В этой командировке я познал службу практически, её тонкости, познал людей, с которыми мне предстояло работать, на кого можно было положиться.

Наверное, я добился желаемого. Всего три месяца я командовал взводом, и мне предложили должность командира роты, правда, это продвижение не состоялось по причине, не зависящей от меня.

В декабре 1944 года в Москве (Богородское) формировалась, для участия в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны, дивизия НКВД. Личный состав этой дивизии набирался из частей и подразделений страны и прежде всего Сибири и Дальнего Востока. Из Красноярска группу численностью 25-30 человек сопровождать в Москву было

поручено мне. Настало время сражаться за Родину и тем, кто все эти годы (с 1941 по 1945 г.г.) войны пребывал в глубоком тылу. Сколько мне пришлось потратить сил физических и моральных, чтобы доставить их в Москву. Я не мог даже предположить, что все они, и сержанты, и солдаты люди денежные. При высокой цене на спиртное, оно у них не выводилось, я не мог за ними уследить, все ехали в разных вагонах, почти на каждой крупной станции меня вызывали к военному коменданту по причине недостойного поведения вверенных мне людей. Откуда деньги у них? Спрашивали меня. Я не мог знать, эти люди всю войну служили в конвойных войсках, возможно, обирали у заключенных. Спасало только то, что они ехали на фронт.

При сдаче команды военнослужащих в Москве мне было предложено задержаться в Москве до особого распоряжения, предупредив что мне в ближайшее время надлежит формировать воинский эшелон из бывших наших военнопленных, находившихся в Финляндии, и подлежащих репатриации, после выхода Финляндии из войны. Пока шла проверка этих людей - фильтрация. Предстояло продолжить службу в рядах Советской Армии, и в том числе в войсках НКВД, только тем кто, будучи в плену, ничем не запятнал себя. Пока шла фильтрация бывших военнопленных, мне разрешалось жить только в Москве без права выезда куда-либо. Время отправки этого эшелона было неопределенно и мне предлагалось ежедневно, утром, с началом рабочего дня, узнавать о сроках готовности, оставив адрес своего пребывания. Где мне остановиться? В деревню ехать не имею права. У Буровых - они самые близкие мои друзья, но они 5 человек живут в одной комнате. У Грибковых? Та же картина. О гостинице я даже не подозревал, что такая есть, и была ли она? Решение созрело как-то враз - остановиться у Тани - девушки, которой был увлечен в довоенные годы. Даже не потому, что был увлечен, больше, пожалуй, из-за того, что у нее квартировал мой товарищ и друг по Орджоникидзевскому училищу, который был

досрочно выпущен из училища и зачислен в подразделение по охране Постдамской конференции. Мне нужна была встреча с ним и общение. Так я оказался на Кожевнической улице, номера дома уже не помню. Этот адрес я дал штабу дивизии, отсюда я ездил в штаб дивизии каждый день.

Сейчас трудно объяснить, чем была вызвана легкость моего поведения, и то, что остановился у девушки, и то, что вскоре сделал предложение ей стать моей женой. Теперь, по прошествии лет, понимаю абсурдность всего. Делая предложение, я понимал, что любви настоящей у нас обоюдно не было. Наверное, ей надо было выйти замуж, а мне - подуматься. Правда, увлечение было, она была красивая, в деревне звалась Василиса прекрасная, поклонников много было у нее, я не устаивался её внимания. Может быть, хотел показать, что теперь я чего-то стою или ...? На мое предложение она ответила что-то вроде время тяжелое и трудное, идет война, случиться может многое и пр., но отказа не было и меня такой ответ полностью удовлетворял, действительно спешить было некуда. Но на второй день, Таня конечно о моей затее рассказала своей мачехе - Наталье Федоровне, по собственной инициативе Наталья Федоровна завела со мной разговор на тему семьи и брака, одобрила моё предложение, и убедила в необходимости именно сейчас оформить брак по закону. Оснований торопиться не было, близости с Таней я не имел. Конечно, Наталья Федоровна, женщина еще была молодая, стремилась устроить свою семью, выдав падчерицу замуж, оставалась одна в квартире. Одним словом, решение принято, идем регистрировать брак. По пути в ЗАГС у меня было такое ощущение, что меня ведут на казнь. Вернуться назад, отказаться от этой затеи тоже уже не мог. В ЗАГСе Кировского района города Москвы были удивлены нашей затее. При регистрации брака сказали нам буквально следующее: «...регистрируем за всю войну первый брак, до этого были только регистрации смерти...». Что окончательно убило меня.

У нас не было ни помолвки, ни свадьбы: сели за стол втроем, мы с Таней и Наталья Федоровна. Распили бутылку водки 0,5 литра, приобретенную где-то за 150 или 200 рублей, чем-то, весьма незначительным, закусили и на этом торжество закончилось. После первой брачной ночи все мои чувства как будто перегорели, осталась зола. Эта была первая и последняя брачная ночь. За мной прибыл посыльный, вызывало руководство. Я полагал, что у меня времени будет достаточно, чтобы её уволить с работы, оформить документы и своим эшеленом увезти Таню в Красноярск, но, увы, вызов и отправка оказались неожиданными. Везти без документов, без выписки и без увольнения с работы было нельзя, за самоуправные действия в годы войны карали строго.

Вагоны уже были поданы на платформу. Вручили мне людей, снабдили продуктами на весь путь следования, документами, дали в помощь мне двух жуликоватых, наглых сержантов, они оказались из Новосибирского конвойного полка (фамилий их не запомнил и не хочу помнить), их поведение отвратительное по отношению к сопровождаемым людям, в дороге они наживались за счет недодачи продуктов людям, вызволенным из плена и торговали ими. До чего были изворотливые сволочи, что я не мог их поймать с поличным. Люди ехали полуголодные, жалобы поступали. А сделать я ничего не мог.

Эшелон с бывшими военнопленными предстояло сопровождать в город Иркутск для пополнения тыловых частей и подразделений за счет этого континента. В действительности этот эшелон был перехвачен в Новосибирске в ночь с 31 декабря 1944 года на 1 января 1945 года, и мне пришлось новогоднюю ночь провести на вокзале.

В первой половине января 1945 года, после длительной командировки я вернулся в Красноярск. При докладе руководству о выполнении задания, мне было объявлено о моем переводе в город Иркутск в дивизионную школу сержантского состава на

должность командира пулеметно-минометного взвода, это была радостная весть, она избавляла меня от унижительной конвойной службы, я еще тешил себя надеждой с окончанием войны вернуться в пограничные войска, как нам было обещано. В Иркутске, в штабе дивизии я встретил своих однокашников по Орджоникидзеvскому училищу, тоже прибывших для работы в школе сержантского состава: Ваню Андаева и Сашу Сальникова. Школа только открывалась, и поэтому офицерские кадры формировались в штабе дивизии. Начальника школы мы нашли в одном из отделов дивизии, (до назначения начальником школы он работал начальником отдела кадров дивизии). Это был средних лет человек, ниже среднего роста, крепкого телосложения - капитан Анацкий Григорий Михайлович. Наше знакомство с ним началось с взыскания. В первую встречу с ним я получил выговор за то, что неуважительно отнесся к подхалимам, просидевшим всю войну в Иркутске, в последующим я был лучшим офицером школы и единственным офицером, получившим досрочное воинское звание лейтенант. Это была оценка моей работы в школе сержантского состава, а точнее - за первый выпуск из школы сержантов, когда мой пулеметно-минометный взвод по всем показателям занял первое место.

В школе сержантского состава я работал с большим желанием. Учил людей и учился сам. С чувством большого удовлетворения вспоминаю, и руководство школы: Анацкого Г.М., Власова, Глуценко, и подчиненных мне сержантов и старшин: Павлова В.А., Агеева, Видалко, Клепикова - все они впоследствии стали офицерами.

Верный своему союзническому долгу Советский Союз 8 августа 1945 года вступил в войну с Японией. Всего 23 дня потребовалось Советской Армии для разгрома отборной Квантунской армии японцев.

Непосредственно в боях с Японией я не участвовал. Причастность моя к военным действиям в Японии выразилась в

конвоировании капитулировавшего полка Японской армии во главе со всем командным составом в город Ташкент. Я был в роли начальника эшелона. Конвоируемые мною японцы изумляли нас своим поведением. Дисциплина и повиновение, даже в плену, безупречны: они с большим почтением относились к своим командирам, командир шел налегке, а солдат нёс на своей спине вещи и свои и своего командира, никакого роптания. Все делалось по регламенту, аккуратно. На остановке поезда выход из вагонов только по команде своего командира. Командир же полка на то разрешение спрашивал у меня. На первых порах я боялся возможности отставания от эшелона, а то и умышленного побега. Но когда командир полка по воинскому званию полковник заверил меня, что он гарантирует доставку личного состава в пункт назначения в полном составе, я разрешил их выход на перрон при каждой остановке поезда. Первым делом японцы искали воду. Мыться для них было важнее всего. Перед отправлением поезда - команда командира и все без проволочек занимали свои места в вагонах, а командир полка через переводчика докладывал мне - лейтенанту - о полном наличии людей и готовых следовать дальше. Такая исполнительность, видимо, объяснялась тем, что японцы не считали себя военнопленными. Они утверждали «...нам Микадо приказал поработать на Россию, вот мы и едем работать. Прикажет вернуться назад, вернемся».

Тогда, в 1945 году, я впервые побывал в Алма-Ате I. Впечатление? Было не весьма хорошее, скорее плохое: одноэтажные домики, грязь, неудобно и пр.

Памятен 1945 год многими вехами. Кончилась война. Солдаты, сержанты и офицеры, подлежащие демобилизации, уезжали домой, ждал своей очереди и я. Но судьба круто повернула, меня оставили в кадрах, т.е. я стал кадровым офицером. С тех пор моя судьба была навсегда связана с армией.

В декабре 1945 года я встретил девчонку - Упатову Веру, которая через год стала моей женой. Встретил её на танцах в клубе

«Ирзолототранс», куда заглянул со своим другом Ваней Андаевым, возвращаясь с ночных тактических занятий. Вскоре у нас установилась дружба. В любви признался я, от неё признания не было, но это не мешало нам встречаться. Встречались часто, почти ежедневно: в кино, театре, на танцах, у меня, в холостяцкой, и у неё дома. Мне нравились её оживленные голубые глаза, приятная внешность и стройная фигурка. Она крепкая, покладистая, в меру добродушная, самоуверенная, снисходительная к людским слабостям. Одевалась всегда модно. В её наряды даже одевались и подруги. В действительности, при замужестве, у неё оказалось плюшевое пальто в единственном числе и три платья, которые сама перекраивала и перешивала к каждому празднику, меняя фасон, а поэтому получалось, что много.

На моё предложение стать моей женой ответила отказом - ждала своего друга школьных лет, находящегося на фронте. Мне ничего не оставалось, как порвать отношения с ней.

Шел 1946 год. Впервые после войны было разрешено предоставлять отпуска офицерам, но без права въезда в Москву. Поэтому, получив разрешение на отпуск, я запасся и командировочным удостоверением. Получил проездные документы и на жену. Я еду в родное Подмосковье в свой первый, за шесть лет военной службы, отпуск. Перед отъездом в отпуск Вера взялась отремонтировать мои часы - её двоюродный брат Женя Попов был часовым мастером. За этими часами я послал своего помощника, старшину Павлова В.А, Узнав о моем отъезде в отпуск, Вера пришла сама собрать меня в дорогу, помочь уложить вещи, которых у меня не было. Дорога была дальняя, поезд от Иркутска до Москвы шел 7 суток, авиационного сообщения тогда не было. И, наверное, она не хотела разрыва со мной? Её появление у меня в квартире накануне отъезда в Москву и решило судьбу мою. Из Москвы вернулся без жены. Всё решил тот вечер, когда она пришла ко мне и ответила на любовь. Вера в моем

воображении обрела и ореол непогрешимости. Пришла ко мне по-прежнему худая, бледная и по-прежнему красивая.

Женился в 1946 году. 6 ноября сыграли свадьбу, Мы сумели хорошо ужиться. Любили друг друга каждый по-своему, нам многие завидовали, вернее, считали, что наша семья, вернее мы, как пара, были счастливыми. Когда мы поженились, у нас не было ни гроша за душой. Буквально на второй день после нашей свадьбы нам нечего было есть. Все, что было у нас, ушло на свадьбу. Работал я тогда командиром пулеметно-минометного взвода школы сержантского состава, платили мне 840 рублей (в теперешнем исчислении 84 руб.) в месяц. Получал только оклад по должности, а за воинское звание начали платить только с конца 1947 года. Этих денег хватало максимум на одну - две недели. Во второй половине месяца мы были без денег. Выручал паёк (основной и дополнительный), выдаваемый офицерам. Пока был холост, питался им один, женился - стали делить пополам. Мы были молоды, и все нам было нипочем, любили развлечения, были счастливы. Жена моя всегда была опрятной и ходила с высоко поднятой головой, будучи уверенной, что ею восторгаются, любят со стороны, и она привыкла и не могла обходиться, чтобы ею не восхищались. Не отреклась от этого она и сейчас.

Я не создан быть главой семьи. Я создан быть её рабом, она взяла верх. Обычно мужчина ведет за собой женщину. У нас получилось всё наоборот: я оставил отдельную, двухкомнатную квартиру по улице Рабочего штаба, расположенную на территории войсковой части, в которой я служил, и пошел к ней в дом, на общую кухню, на правах бедного родственника, в одну комнату с одним окном, выходящим на Первомайскую улицу. Кроме нас в доме жили: теща Мария Федоровна, сестры жены со своими семьями: Александра Николаевна с мужем Безрук Петром Прокопьевичем и дочерью Ниной, позже родилась Ирина, сестра Валентина Николаевна с мужем Паниным Николаем Фадеевичем и дочерью Аллой. Все они работали. Уборка дома, уход за больной

матерью и детьми возложили на мою жену, и она безропотно выполняла эти обязанности безвозмездно, на мои предложения пойти на работу ответ был один - кто останется дома? Возражений она не любила, дерзкая на острословия. Я её любил, взаимности не требовал, мужественно переносил лишения и тяготы по своей сути коммунального дома, в котором четыре хозяина, и ты самый младший. Удовольствий было мало.

1947 год! Отменена карточная система. Ввели плату за воинское звание. Я получил новое назначение - повышение в должности, а стало быть повышен и должностной оклад до 900 рублей в месяц, 500 руб. за звание и 300 руб. - за адъютанта. Был назначен командиром роты в 235 полк НКВД. На первых порах было трудно: я лейтенант, мой заместитель старший лейтенант Демин, три взводных, тоже лейтенанты, причем все они старые служаки, не признававшие меня. Я уже отмечал, что для меня эта служба была новой. Правда, работая в школе сержантского состава, один раз за учебный год мы выезжали в различные виды конвоя в порядке практики-стажировки. Но теперь я должен был сам организовывать и руководить всеми видами конвойной службы (эшелонной, сквозной, плановой и особой, а также городской), и осуществлять боевую, политическую, служебную подготовку солдат, сержантов и офицеров. Что бы укрепить себя, я делал любую работу, без выгоды для себя, делал с умом, и вскоре я завоевал авторитет.

В должности ротного командира мне вспоминается такой случай: В Иркутске принял эшелон (смена конвоя) «отъявленных головорезов» из Московской бутырской тюрьмы, которых предстояло конвоировать в бухту Ванино. Питание скудное было (1947 год, еще жива карточная система, она была отменена в декабре). Везли их в товарных вагонах. От Москвы до Иркутска были в пути около двух недель, если не больше. Столько же надо было ехать и до Бухты Ванино. В пути следования питание ухудшилось, пополнить продукты питания можно было только на

определенных станциях. На одной из станций, где-то в районе Читы, время стерло из памяти её название, наш эшелон держали двое суток, а продуктов не было совсем. Что только я не предпринимал, чтобы нас отправили или дали продукты для заключенных. Всё было тщетно. Заключенные ошалели от голода, они ничего не ели двое суток. Предприняли попытки столкнуть вагоны с рельс, стали их раскачивать с каким-то остервенелым и диким криком, вагоны своими колесами уже отрывались от рельсов, вот-вот повалятся. Сбежались толпы людей, хриплые, взбешенные голоса толпы людей и заключенных сливались воедино. Чтобы как-то успокоить их я приказал конвою открыть огонь из автоматов под крыши вагонов. Эта мера успокоила заключенных на время, но главное - принудила железнодорожников немедленно отправить наш эшелон по зеленой улице до города Комсомольск-на-Амуре нам задержки не было. Заключенные еще раз по пытались вызвать к себе сочувствие у жителей при погрузке этого же эшелона - из более 60 вагонов, в г. Комсомольск-на-Амуре на самоходный паром американского производства. Но здесь они поддержки не нашли и вскоре успокоились. В Бухте Ванино, прежде чем выгрузить заключенных, я попросил у лагерного начальства дополнительный конвой, сторожевых собак, и только после этого доставил заключенных в лагерь.

В январе 1949 года меня перевели на ту же должность в 428 полк НКВД в город Тайшет Иркутской области, где я был назначен начальником гарнизона 136 километра - это штаб-квартира роты по охране лагерей политических заключенных, силами которых строилась железная дорога по трассе Тайшет - Братск. Откровенно говоря, после Иркутска это просто «яма». Удобств никаких, и романтики тоже. Но другого выхода не было, я был солдатом, и мне было приказано организовать охрану заключенных как в зоне их расположения, так и на объектах работы - на строительстве железной дороги и лесоповале. Моя

рота охраняла три лагеря. Два лагеря мужчин и один женщин.

Гарнизон (командование роты и один взвод - 50 чел.) дислоцировался на 136 км. от города Тайшет, один взвод - на 117 км. и один - на 214 (это женский лагерь). Кругом глухая тайга, в которой водятся пушные звери - белки, соболь, лисица; медведь, сохатый, козули и прочие; птицы - тетерев глухарь и т.д. и т.п. В нетронутой реке Чуна - осетр, таймень и множество другой рыбы. Трудно представить себе такое обилие и такое удивительное сочетание природных богатств, какое встречается в нехоженной тайге.

Поселились в пристанционном доме. Это был единственный жилой дом, построенный с перспективой на будущее, зазеленевший внутри. Здесь и поселились мы: я, жена и сын Коля, приняли первые радости и огорчения таёжной жизни. Рыбалка отличная. До нас в реке Чуна рыбу никто не ловил. Попадали в сеть осетры, таймени весом 20-30 и более килограмм. Отличная охота: козули и даже медведи приходили к нам в поселок сами. Тетерева можно было убивать с крыльца дома. Вот когда у нас не стало перебоев в продуктах питания. Это у нас!

Но здесь находились в неволе тысячи людей, уже вставших на ноги, познавших судьбу, много сделавших для победы Великой Октябрьской Социалистической революции и становления Советской власти, а теперь разлученные с семьей, с делом, ради которого боролись, с родными и знакомыми, с друзьями. Они жили в тесноте, спали на двухъярусных нарах. Тяжелый воздух, насекомые всех видов, одеты плохо. Питание скудное (утром - похлебка с черным с примесью хлебом, в обед - бурда), чтобы не умереть. Все это наложило определенный отпечаток на поведение заключенных, их отношению к работе. Они невольно брались за лопаты, ломы, тачки, делали непривычное для них дело, подчас непосильное. Вся техника на строительстве железной дороги: лопата, кирка-мотыга, лом, тачка на одном колесе с двумя ручками и взрывчатое вещество.

Начинаются болезни: людей косит смерть. Люди умирают один за другим. Гробы с телами умерших грузятся в «калужанки» и отправляются в Тайшет, на месте их не хоронят.

На свой страх и риск я взял на себя заботу о питании заключенных дарами тайги. Из тех, у кого оставался малый срок наказания создал бригаду рыбаков под охраной одного солдата-конвоира. Теперь тем, кто выполнял норму выработки или был близок к её выполнению к лагерному пайку, добавлялась порция рыбы. Многое изменилось к лучшему. Они - подневольные стали лучше работать, труд их стал производительнее, и отдельные бригады добились высоких производственных результатов. Помню, одна из бригад, которой руководил бывший капитан советской Армии - летчик, выполняла задания на 120-150 процентов. В этой бригаде находился яро ненавидящий советскую власть крымский татарин, если память не изменяет, фамилия его Сарай-Мамед-Оглы. Сражался он против Красной Армии даже тогда, когда ушли немцы. Среди заключенных вел антисоветскую агитацию. Агитировал за срыв заданий. Однако трудовому успеху этой бригады последовали многие другие. Тогда Сарай-Мамед-Оглы во время работы топором убил бригадира. Убил зверски: бригадир, лежа на земле, вел учет работы (подсчитывал количество вывезенных тачек земли), Сарай-Мамед-Оглы подошел сзади и взмахом топора разрубил голову бригадиру. Воткнул топор в пень, сел рядом с убитым им человеком и стал хладнокровно ждать прибытия оперативной группы, и никто из работающих заключенных к нему не мог подойти, в таком страхе держал он людей. Погиб честный и смелый человек, новатор, вдумчивый и трудолюбивый, мечтавший о свободе человек, погиб от руки бандита.

Политические заключенные, находясь в лагерях, постоянно доказывали свою невиновность. Держали себя достойно. Они упорно писали во все инстанции жалобы и кассации, пока не были лишены права переписки. Во время войны многие узники

потеряли связь с домом, с родными, близкими, и поэтому были лишены их помощи. Общаясь с заключенными, я узнавал цену людям, их взглядам, их стойкости и подлинной верности деду революции.

Вот один пример: политический заключенный Попов Иван Иванович, он говорил «...меня изъяли из жизни в пору интенсивного творчества, когда у меня сформировались взгляды, принципы, идеология». В гражданскую войну он был комиссар корпуса Красной гвардии. Рассказывает он эту боевую историю со слезами, и заканчивает рассказ вопросом. Если я действительно враг? Я мог настроить или повернуть корпус против советской власти? И сам отвечает - не мог, ибо я истинный большевик. Занимая должность председателя Днепропетровского крайисполкома, возглавил строительство Днепрогэса. Но из отпущенных средств на строительство Днепрогэса он мог практически использовать только 2/3 отпущенного, посоветовавшись с партийно-хозяйственным активом. В то время его похвалили за партийное, хозяйственное отношение к расходованию государственных средств. Страна действительно нуждалась в деньгах. При аресте ему предъявили обвинение, что он был против индустриализации, а стало быть он умышленно отказался от предложенных правительством средств на строительство Днепрогэса.

Нашли крамолу и в первом издании краткого курса истории ВКП(б), одним из авторов которого он был. Арестован был за то, что прибыл по разрешению руководства из Лондона в Москву в день, когда был арестован Постышев П.П. - кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК КЛ(б) Украины. Мотивы: добивался приезда в Москву для связи с Постышевым перед его арестом. И так 10 лет заключения на Калыме. Перед войной его освободили, но он побывал, тоже с разрешения, у поселенцев - членов семьи врагов народа, которые жили там на самообслуживании, и пробыл у них слишком долго, больше

положенного. Снова арест и снова срок заключения за то, что, выйдя на свободу установил связь с врагами народа для дальнейшей борьбы с советской властью. Теперь в 1949 году он строит БАМ.

Забота о питании заключенных дала свои плоды. На всем участке, находящемся в моем ведении, план стал выполняться по всем направлениям и всеми бригадами, что привлекло внимание ко мне командования полка и дивизии. В июле или августе 1949 года мой гарнизон посетил начальник конвойных войск НКВД генерал Бочков, который наградил меня именными часами и предложил командиру дивизии полковнику Мордовскому К.Н. направить меня в школу усовершенствования офицерского состава (РШУОС) в город Ригу.

С 1 октября 1949 года начались занятия в РШУОС. Предстоял год напряженной учебы. Училище я закончил в войну, учеба была вперемежку с боями. А здесь надо было решать тактические и служебные задачи за батальон и полк. Брал усидчивостью. Через два месяца учебы лучших из лучших офицеров отбирают в формируемую учебную группу преподавателей тактики и военной топографии, в это число попадаю и я. Мне не хотелось быть преподавателем, тем более в войсках меня ждала хорошая перспектива, заявления для зачисления в группу преподавателей я не подал, тогда меня пригласил на беседу начальник РШУОС полковник Умецкий и убедительно доказал целесообразность моего перехода на преподавательскую работу. У меня образование было 6 классов, в войсках учиться в средней школе возможности никакой или почти никакой. Мне было обещано по окончании РШУОС направление в Ростов-на-Дону в училище НКВД, при котором функционировала средняя школа. На второй день после нашей беседы начальник школы издал приказ о зачислении меня в группу преподавателей тактики и военной топографии. Учился я старательно, самозабвенно. Ни один день, ни один час не проходил для меня

даром. Настойчивость и старание помогли мне в короткий срок овладеть мастерством преподавательской работы. РШУОС закончил весьма успешно и был направлен в Ростов-на-Дону в Военно-инженерное училище войск МВД. Конечно, очень волновался, в возрасте 30 лет, в звании старшего лейтенанта, тогда как в этом училище преподавали умудренные опытом преподавательской работы подполковники Малик, Матвеевко; майоры Лазаричев, Горюнов и др.

После прихода на должность преподавателя руководство училища как-то сразу обратило на меня внимание: физическая закалка, опыт войны. Прошел я иную, более трудную жизненную школу, на многие стороны жизни имел свой взгляд. Многого я не знал, но не стеснялся спрашивать и перенимать опыт у других. Своими знаниями и опытом охотно делился с товарищами. Был одновременно учителем и учеником.

В 1952 году в разрушенном войной, голодном и холодном Ростове-на-Дону, закончил десятилетку. Получил аттестат зрелости, это на 32-м году жизни! В аттестате подавляющее количество оценок «3». И все-таки, я решил поступать в академию - подал рапорт. Но, не успев раскрыться в новой обстановке, как поступил приказ из Главного управления учебных заведений МВД СССР о моем переводе в город Багратионовск - в Калининградское военное училище МВД. Узнав об этом приказе, начальник училища полковник Седавных предложил мне отказаться от перевода, пообещав в скором времени и квартиру (мы снимали за 300 рублей комнату в частном доме). Но никакие просьбы и доводы не помогли. Руководство Москвы не хотело заранее раскрывать свои карты, оно сохраняло кадры преподавателей. Буквально через полгода после моего перевода, Ростовское-на-Дону училище было расформировано. Большинство преподавательского состава было уволено, часть пошла в войска и единицы в гражданские ВУЗы.

Итак, в 1952 году весной я прибыл в Багратионовск, и как

сейчас помню, доложив начальнику военного цикла подполковнику Легостаеву Ивану Алексеевичу о прибытии, сразу же получил учебные группы и приказ приступить к занятиям на второй день с утра, как говориться с корабля на бал, с ходу, без подготовки. Даже не дали время на обустройство. Но самое удивительное и интересное это то, что не успел я ознакомиться с группой, как открылась дверь и вошел в класс начальник училища полковник Шевцов, на контроль. Отмечу, что в училище наглядное и учебное пособие отсутствовало, а тема у меня была «Изображение рельефа местности на карте». При проведении занятия импровизировал всем, чем мог: в качестве наглядного пособия использовал все, что было под рукой: и классную доску, и стул, и стол, и чернильницу, и воду и прочее.

Просидел на моих занятиях начальник училища все два часа, и, не говоря ни слова, приказал подполковнику Легостаеву собрать на 18.00 часов весь преподавательский состав цикла, ушел. Весь день прошел в ожидании чего-то, а в 18.00 начальник училища пришел к нам и сказал буквально следующее: «...у этого старшего лейтенанта учитеесь обучать курсантов». Вот так вошел в преподавательскую работу в новом училище, так я укрепил себя с первого дня.

В звании капитана я был уже старшим преподавателем тактики и военной топографии. Но затем в 1953 году все круто изменилось. Ушел из жизни И.В. Сталин. У руля партии и государства стал Никита Сергеевич Хрущев, прозванный в народе Никита-чудотворец, который внес неразбериху в жизнь страны. Начал сокращать Вооруженные Силы, уничтожать военную технику, что впоследствии слишком дорого обошлось нашему государству.

В 1953 году я впервые в жизни был понижен в должности до курсового офицера, но не по каким-то личным причинам, а вместе с другими офицерами, попавшими в квоту общего сокращения ВС СССР. Многих офицеров, только начинающих службу, уволили в

запас. Уволили и тех, которым оставалось дослужить до пенсионного возраста 1-4 года. Спустя несколько лет их места заняли неподготовленные в военном отношении офицеры, призванные вначале по партийному, а затем и комсомольскому набору, что привело к неорганизованности и снижению дисциплины в армии.

Будучи курсовым офицером, свои знания, опыт, душу не по обязанности, а по призванию вкладывал в воспитание курсантов, чтобы сделать их трудолюбивыми и заботливыми командирами. Это дало мне право в 1954 году поступить в Ордена Ленина Краснознаменный военный институт КГБ при Совете Министров СССР на пограничный факультет на заочное отделение. Учился с упоением, все свободное время отдавал учебе. С поступлением в институт был назначен преподавателем тактики и военной топографии, как говорится начал расти по служебной лесенке снова. Первый курс военного института КГБ СССР окончил успешно. Как отличника учебы меня перевели на основное - очное (дневное) отделение и это несмотря на то, что возраст мой для учебы на дневном отделении истёк три года назад. Итак, я в Москве с 1955 по 1958 г.г. - годы напряженной учебы, они пролетели незаметно. По окончании института я совершил ошибку, мне предлагали должности начальника отдела боевой подготовки пограничного отряда, коменданта и старшего преподавателя, первые две я отверг, в этом моя ошибка. В 1958 году я вновь вернулся в Багратионовск на должность старшего преподавателя тактики и военной топографии, а в 1960 году в связи с созданием в Алма-Ате Высшего пограничного командного училища КГБ СССР меня перевели в Алма-Ату преподавателем тактики. Это второе понижение в должности, и опять не по личным мотивам. Калининградское училище было расформировано. В 1961 году становлюсь вновь старшим преподавателем. Такое было время трудное: рост, падение, вновь рост и вновь падение по причинам от меня независимым.

Но коль стал на стезю педагога, то отдавал этому ремеслу самого себя. До всего доходил головой, а не на четвереньках. Офицеров границы воспитывал на героике старшего поколения. Учил их не просто повторять пройденное, а стремиться идти дальше. И мне отраднo сознaвать, что в мирное время мои выпускники удостоены высоких правительственных наград за умелые действия по отражению вооруженной, заранее подготовленной провокации китайцев на государственной границе СССР, а Виталий Бубенин, ныне генерал, удостоен звания Героя Советского Союза. Волю, трудолюбие, настойчивость - вот те качества, которые я стремился передать своим воспитанникам - курсантам Высшего пограничного командного училища КГБ СССР.

А когда подошло время оформляться на пенсию по выслуге лет, это 12 июня 1973 года - когда я лег в госпиталь на медицинскую комиссию я как бы очнулся - старость. Мне шел 52-й год от роду, силы не те, появилась седина, на голове плешь, не хватает зубов, и впервые почувствовал себя ненужным. Однако движение мысли остановить нельзя, оно постоянно. В тот день, когда жизнь моя круто изменилась и мысль стала организованной, способной постичь новую профессию. А первый шаг в профессию всюду труден, он полон ожиданием, предчувствием новой жизни, даже тревогой - как оказаться на высоте избранной судьбы? По рекомендации Калининского райкома компартии г. Алма-Аты 1 августа 1973 года я был принят на должность старшего инспектора по кадрам и спецработы (на правах начальника отдела) в строительно-монтажное управление - 50 (СМУ-50) «Алма-Атаотделстрой», а через месяц, вновь по рекомендации райкома партии, был избран секретарем партийной организации. Все решал райком и никто больше. Мне предстояло, прежде всего, учиться самому сложному искусству - умению применить изучаемые книжные положения в деле, работе. В партийной работе разобраться было легче, опыт общественной работы я имел

достаточный, сложнее было разобраться с кадровой работой.

Итак, на нелегком пути к профессии кадровика и открыл в себе талант человечности, и стал вновь нужен людям.

В 1975 году меня прихватил тяжелый недуг, заболел и слег: выпадение межпозвонкового диска, приковало к постели, а возраст еще нет 55-ти. Главная тяжесть по уходу за мной, конечно, легла на жену, которая и сама не очень здорова. С любовью и благодарностью вспоминаю уже прожитые 42 года нашей совместной жизни, в особенности первые 20 лет, когда она, со свойственным её натуре самоотвержением, энергично и твердо несла то, к чему считала себя призванной. Она дала мне и детям много материнской любви и самоотвержения, и нельзя не ценить её за это.

9 марта 1976 года меня оперировали, затянули в корсет, и в конце апреля выписали домой, но ненадолго. При операции, которая длилась 7 часов, делали переливание крови, и занесли мне болезнь «Боткина». Вновь госпиталь - пролежал, тяжело болея до 26 августа 1976 года. Многие со мной прощались навсегда, и сам не надеялся, что буду жить. Выздоровел с помощью жены и врачей.

Отмаявшись все госпитальные сроки, я все-таки встал на ноги, никто не думал, что поднимусь. Через год потихоньку оклемался и вновь пошел работать, теперь в научную организацию - специальное конструкторское бюро автоматизированных систем управления, сначала Министерства мясной и молочной промышленности (СКБ АСУмясомолпром), а с перестройкой народного хозяйства - СКБ АСУ Агроинформ Госагропрома СССР, вновь на кадровую работу - старшим инженером по кадрам и спецработе. Бот уже одиннадцать лет в этой организации. Сколько я буду работать? Время покажет. Я не просто работал, а во всяком деле проявлял смекалку. Не отказывался ни от какого задания - выгодно оно или невыгодно, тяжело или легко. Относился к труду как к потребности, с думой как делать лучше, и

все годы - годы работы на кадрах был бессменным секретарем партийной организации. Расстался с этой должностью только в 1987 году. Общественная работа давала мне ни с чем не сравнимое чувство удовлетворения того, что участвую в процессе созидания, что сопричастен к главному в жизни.

Я много путешествовал по стране, исколесил её вдоль и поперек много видел интересного и поучительного. Мне довелось быть: в Харькове, Киеве, Брянске, Махачкале, Ordжоникидзе, Грозном, Краснодаре, Ростове-на-Дону, во всех городах героях, городах-курортах черноморского побережья; Ленинграде, Риге, Таллине, Каунасе, Калининграде, Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Биробиджане, Сковородино, Владивостоке, на Сахалине, Южных Курилах, Ереване, Баку и многих городах Казахстана, Средней Азии и родного Подмосковья, и везде встречал людей одухотворенных трудом, уверенных в завтрашнем дне.

На закате своей жизни я искренне благодарен судьбе за то, что она связала меня и мою жизнь с армией, с пограничными войсками, с людьми глубоко идейными, убежденными коммунистами. Что мне выпала доля испытать себя, пережить много незабываемого, сблизиться с хорошими людьми, и главное считать себя сыном Великой Родины, полезным и нужным ей.

У меня два сына: старший Николай и младший Владимир, их растила жена. Я все время был занят работой, учебой. Коля - на четыре года старше брата. Рос крепким, здоровым мальчиком, а Володя часто болел. Собственно, болел он не чаще и не больше, чем другие дети, но он перенес ревмокардит и еще что-то, а матери казалось, что младший сын болезненный. Домашние заботы были на плечах старшего сына: он кормил младшего брата, стирал его пеленки, нянчил, когда не было дома мамы.

Коля, окончив 11 классов средней школы № 30, подал документы в Казахский политехнический институт. Вступительные экзамены сдал успешно, но... не прошел по

конкурсу, примат был казахам, которым было достаточно все экзамены сдать на «3». Это был уже Брежневский период правления, начинал давать себя знать период расцвета националистических тенденций, период протекционизма, угодничества, взяточничества. Период, когда все ключевые посты в партийных и советских органах занимались только казахами, все престижные должности в высших учебных заведениях занимались тоже казахами. Русские или не допускались, или выживались. Подошел его срок служить Родине. Подал заявление в Высшее пограничное командное училище КГБ СССР.

Младшего сына не хотели отдавать в училище, хотелось, чтобы он был с нами. Но Володя ничего не хотел, кроме как стать офицером, и только пограничником, да и игры у него были все на военную тему, разговоры тоже. Тогда я понял, что это увлеченность как раз и есть то самое, что нужно было, как воздух младшему сыну. И когда он не прошел медицинскую комиссию по состоянию здоровья, я сам просил начальника медицинской службы подполковника В.И. Норачевского пропустить его в училище под отцовскую ответственность.

Оба сына стали офицерами-пограничниками. Теперь они по боевому приказу идут в ночь, чтобы спокойно жила и трудилась Родина Октября! И еще очень важно то, что все, что было во мне хорошего, унаследовали дети.

Уходи в мир иной, я полон уверенности, что сыны мои до конца будут служить примером доблести, находчивости и стойкости.

Годы идут неумолимо. Мы старимся, хороним своих близких. Все чаще думаешь о том, ради чего и как мы жили и живем. И сегодня без преувеличения скажу - Родина, её блага для нас самое главное. Судите теперь сами, счастливое ли время было у меня? Счастливая ли моя доля?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

1. Как называется Ваша Реликвия? - История России священна и неприкосновенна.

2. К какому виду можно отнести Вашу Реликвию: - Воины России.

3. Расскажите об этой Реликвии, чем она дорога для Вашей СЕМЬИ? - Бережно, кропотливо и терпеливо собирайте свидетельства воинов России о защите своего Отечества. Без этой работы невозможно воспитать патриота, сделать нашу историю действительно священной и неприкосновенной от всяких попыток опорочить и переписать, не сохранить благодарственную память отцам, дедам, своему народу. С каждым часом это становится все важней. На сегодняшний день в Подмоскowie осталось в живых только 8 действительных участников боевых действий на полях войны. Тех, кто встретил войну на пограничной заставе, еще меньше. Совсем скоро их воспоминания, подчас скупые и неумело написанные, станут посланием из прошлого. Одним из них является мой отец Круглов Владимир Васильевич Круглов, полковник пограничных войск в отставке, ветеран и инвалид ВОВ, 1920 года рождения, который встретил войну на 12 пограничной заставе 95 пограничного отряда на новой западной границе СССР. Мы благодарны ветеранам не только за их вклад в разгром врага (объединенная Гитлером Европа), но и за то, что они нас учили охране границы и «военному делу настоящим образом». Поэтому вполне закономерно, что среди учеников отца можно назвать генерал-полковников Рожкова В.В., Щербакова А.С., Кожевникова А.В. и многих других славных сынов отчества, которые отдали лучшие годы своей жизни «безнаказанно-честному служению Отечеству». Если бы нынешнее руководство и стратегического, и оперативного уровня было бы внимательнее к ветеранам, если бы сами почитали боевые и исторические традиции своего государства, народа и армии, то не было ни шатаний, ни

шараханий, ни бездумных реформ, в ходе которых исчезли пограничные отряды, выстоявшие, сохранившие и пронесшие свои знамена через всю войну. А где именные заставы!? На мой взгляд, это главная причина того, что без боя, без сражения развалилась страна, оторваны территориальные и народные куски, превышающие территорию поверженной Германии и Европы! Мы не просто теряли территорию, мы теряли людей. При этом нам из «Президент-отеля» господин Пайн, завалив рассмотрение очередной концепции национальной политики России, вещал: «Мы не можем говорить о русском народе как разделенном народе. Мы можем говорить только о соотечественниках за рубежом», а «зарубеж» - это наша историческая территория. Как смотреть в глаза ветеранам и кто мы после этого?

С наилучшими пожеланиями, честь имею - генерал-лейтенант запаса Круглов Н.В.